Цена отдельного № 3 руб.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (большевиков).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Ваганьковский пер., 5.

Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 5 до 7 час. вечера. Телефоны: Телефонограммы 5-79-60. Общий 2-48-48. Секретарь редакции 1-21-52. Ночной редакции 4-89-54 и прямой провод через коммутатор Кремля.

Подписка на газету принимается во всех губернских, уездных и других отделениях ЦЕНТРОПЕЧАТИ на всей территории Р. С. Ф. С. Р. только от учреждений и организаций.

Контора открыта ежедневно, кроме праздников, от 10 ч. утра до 4 ч. дня. Телефон к-ры 3-35-13, 4-48-47.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

АНГЛИЙСКИЕ УГЛЕКОПЫ РЕШИЛИ ВЫЙТИ ИЗ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА.

СОЦИАЛИСТЫ УРАГВАЯ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ НАЧНУТСЯ ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И ЛАТВИЕЙ.

НАЧАЛИСЬ ВЫБОРЫ В САРАТОВСКИЙ СОВЕТ; ПОКА ИЗБРАНО 248 ДЕПУТАТОВ, ИЗ НИХ 213 КОММУНИСТОВ.

№ 93. Воскресенье 1 мая 1921 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 93.

Товарищи! Берегите газеты, не рвите их, а возвращайте в то учреждение, откуда получили.

Следующий № газеты „Правды" выйдет в среду 4 мая.

Один из лозунгов.

Первого мая неприлично говорить о мелочах, о деталях, о нуждах минуты, о злобе сегодняшнего часа пролетарского движения.

Этот праздник всегда был и навсегда останется днем, когда пролетарская мысль выбирается из плена будничных мелочей и должна обнять общие вопросы всего пролетарского движения в целом, подвести общие итоги успехам и неудачам, наметить общую линию для дальнейшей борьбы. Каждый будничный день мы отдаем на с'едение «текущему моменту», но лишь о великом стоит говорить в этот великий пролетарский праздник.

Я хочу сказать несколько слов о том великом, что носит название Российская Коммунистическая Партия.

Нет ничего великого на свете, что не было бы в то же время мелким для тех, кто сам достаточно мелок для понимания великого. Мокрице, которая ползет по ступени Ивана Великого, не видно купола церкви. Для нее Иван Великий—это ряд мелких бугорков и ямок, через которые ей надо переползти. Для жука, копающегося в навозной куче у подножья Монблана, не существует Монблана. Для обывателя и мещанина Советской республики не существует Советской республики, как величайшего завоевания рабочего класса, как величайшей горы на исторической равнине, созданной вулканическим действием первого крупного взрыва социальной революции. Для него Советская республика—это очереди при получении карточек и продуктов, бюрократизм учреждений, «мелкие недостатки механизма», которые именно для мелкого кругозора являются слишком даже большими и составляют главное содержание жизни. Для мещанина не существует и коммунистической партии, как станового хребта советского государства и величайшей творческой силы в новую эпоху жизни человечества, в вулканический период его истории. Обыватель знает только коммунистов: коммуниста Иванова, коммуниста Петрова, коммуниста Васильева с их хорошими или дурными поступками, большими или малыми слабостями, хорошими или плохими способностями. Все качества отдельной личности известного коммуниста, помноженные на 600.000—это и есть коммунистическая партия для обывательского сознания.

Не о деревьях, за которыми не видно леса, не о такой коммунистической партии можно и должно говорить 1-го мая, а о коммунистической партии на историческом расстоянии, которое скрадывает мелочи и позволяет увидать лишь общее, лишь великое.

Октябрьская революция рабочих и крестьян поставила партию большевиков у власти. Все помнят еще тот энтузиазм, с которым вручали нам массы мандат на осуществление нашей программы. Неопытные и молодые члены партии были сами полны энтузиазма, не омраченного никакими предчувствиями; от них ускользали трудности завтрашнего дня. Но наша старая гвардия говорила себе: «Сегодня массы полны веры в победу, в победу легкую, скоро приводящую к желанной цели. Что-то будут думать они и говорить тогда, когда начнутся настоящие трудности коммунистического строительства».

Этот момент скоро наступил. Уже весной и летом 1918 года начался тяжелый кризис революции. Со всех сторон облепили враги советский остров, внутри вспыхивало одно кулацко-белогвардейское восстание за другим, обостряя голод; колебания деревни передались части пролетариата и бросали некоторые слои ее в область анархических настроений, склоняя его к дезертирству от тех трудностей борьбы, которые оказались на пути пролетарской революции. Кто спас положение? Спасла коммунистическая партия своим единством воли, крепкой дисциплиной, организацией, хладнокровием в самые отчаянные минуты борьбы. Наша партия как бы вобрала в себя все качества пролетарского класса, как целого, мощь его классовой воли, всю силу его твердости [illegible] героизм и противопоставила их колеблющейся периферии. Она явилась противоядием слабости собственного класса, его колебаниям, его раздумью перед величайшими трудностями и лишениями новой полосы борьбы и страданий.

Деникин брал Орел, Юденич подходил к Петрограду, Колчак перешел в контр-наступление. Было уже меньше колебаний среди крестьянства, меньше их отзвуков в рабочем классе, но они были. Зато была более сильной волна белогвардейского напора изнутри: цепь заговоров, наглость поднявшей голову буржуазии, ожидавшей вступления в Москву белой армии. Кто спас положение?

Прежде всего, коммунистическая партия, поднявшая на ноги всю страну и бросившая свои лучшие силы на все фронты. Горе было бы Советской России, если бы в эти минуты колебнулся или сломался ее становой хребет!

Конец 1920 г., начало 1921 года. Фронты ликвидированы, но те молчаливо принятые условия, на которых вел войну блок рабочих и крестьян, еще не пересмотрены в смысле уменьшения доли крестьянских жертв на общее дело. Недовольство крестьян отражается на части пролетариата; оно выливается в кронштадтское восстание и в форму усилившегося бандитского партизанского движения. Разбитый капитал наступает, бросая в бой мелкобуржуазные массы под архилевыми лозунгами. Как и в 1918 году, при крупных колебаниях в крестьянстве, некоторые слои пролетариата колеблются. Слова немножко другие (беспартийные советы и т. д.), сущность одна. И снова коммунистическая партия устремляется в слабые места, подавляет восстание, раз'ясняя колеблющимся опасность их колебаний для революции и выгоды всех выступлений против коммунистов для Милюковых и иностранного капитала. И уж есть все данные сказать, что новое внутреннее наступление капитала на диктатуру пролетариата отбито.

Советская Россия слишком разоренная, слишком нищая страна, чтобы возрождение хозяйства и первые действительно ощутимые массами результаты социалистического строительства сказались в самое ближайшее время. Мы имели неудачи и смертельные опасности на военном фронте, мы будем их иметь и на фронте труда. Коммунистической партии нужны величайшие запасы твердости, хладнокровия и веры в правильность взятого ею пути, чтобы при всех возможных неудачах, при всех предстоящих еще колебаниях в рядах трудящихся масс сохранять присутствие духа и быть разумом пролетарского класса, во все моменты его жизни. Беспартийная масса может колебаться, может приходить в отчаяние от тяжелой жизни и трудностей при новой стройке—коммунист не может колебаться. Как гранитная скала должна высится коммунистическая партия, готовая принять на себя и разбить о себя все волны мелкобуржуазной стихии, в какой бы форме они ни пытались захлестнуть и утопить диктатуру пролетариата. Это нужно для самих колеблющихся, потому что не минутное их настроение, не преходящие интересы, а их завтрашний день, будущее всего рабочего класса представляет коммунистическая партия.

Но она представляет также на территории России, находясь в крестьянском окружении, интересы всего мирового пролетариата. Она лишь секция 3-го Коммунистического Интернационала, от которого имеет, хотя формально и не подписанный, но для всех ясный молчаливый приказ защищать до последней капли крови ту часть земного шара, которая отвоевана у капитала. И она будет защищать советскую землю, диктатуру пролетариата до подхода главных сил мировой пролетарской революции.

Эти силы вышли сегодня на улицы капиталистической Европы и Америки и потрясают старый мир. И в числе лозунгов, которые звучат сегодня, как гул миллионов рабочих голосов, есть один, составляющий нашу гордость. Этот лозунг: «Да здравствует Советская Россия и ее Великая Коммунистическая Партия.»

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

МЫ ПРИОБЩИЛИСЬ—РАБЫ—КРОВАВОЙ ЧАШЕ,
МЫ НА РАСПЯТЬЕ ШЛИ, НЕСЯ НАШ ТЯЖКИЙ КРЕСТ,—
И МЫ, ВОСКРЕСШИЕ, ДЛЯ ВСЕХ ВРЕМЕН И МЕСТ,
БЛАГОВЕСТВУЕМ МЫ ЕВАНГЕЛИЕ НАШЕ:
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ РАБОЧИЙ МАНИФЕСТ.

Два праздника.

На один и тот же день в этом году выпадают два праздника: Пасха и 1-е мая. Два мира—мир умирающий и рождающийся, мир уходящего прошлого и грядущего будущего встречаются в этот день, связывают с ним свои чаяния и надежды, верования и предрассудки, убеждения и представления.

Праздник Пасхи, когда устанавливался, был символом освобождения, победы жизни над смертью, любви над ненавистью, духа над телом. Христианство при своем возникновении явилось протестом порабощенных и угнетенных против своих поработителей. Не имея сил этот порядок изменить, не разбираясь в классовой сущности деления общества на трудящихся и на этом труде наживающихся, обездоленные все свои социальные обиды, нужду и горе выразили в христианском учении о любви, добре и справедливости, причем не борьба, *не противление* злу ставилось в обязанность последователям этого вероучения, а покорность и всепрощение. Не царство земное обещало христианство своим последователям, социально обиженным и униженным, а небесное. И потому, если в начале это учение действительно об'единило вокруг себя всех нуждающихся, если оно было учением рабов, то очень скоро все богатеи, все собственники охотно к нему присоединились, сделали бога нищих и бедных своим богом, ибо этот воскресший бог звал к покорности и терпению. Собственники-богачи согласились полюбовно разделить с бедняками царство небесное, и даже готовы были уступить последним там первое место при условии, что здесь, на земле, царство будет сохранено за ними. Отсюда и получилось, что Пасху празднуют одинаково и бедные, и богатые, весь христианский мир, без различия классов и состояний, чтит день, в который, согласно христианской легенде, воскрес замученный богатыми бог правды и любви. Богатые украли у бедных их бога и пророка и заставили его служить себе, своим интересам, как их интересам служат во все дни года попы всяких религиозных культов.

Прошли века. Выступил на историческую сцену новый класс, вызванный к жизни капиталистическим обществом, класс, сознавший свои интересы и связавший борьбу за них с общей борьбой за наступательный ход развития человеческого общества. Это рабочий класс поднял знамя восстания за освобождение от гнета и рабства, за установление нового порядка на земле, где не будет эксплоатации человека человеком, не будет войн, а будет царствовать равенство и справедливость. Этот класс день 1-го мая провозгласил своим международным праздником, днем братского единения всего мирового пролетариата, днем протеста против войны, против эксплоатации.

И день Пасхи, и день 1-го мая как будто одинаково провозглашают идеалы любви, равенства и справедливости, но как глубоко различны они по существу. Первый зовет к покорности и всепрощению, утешает бедных царством небесным, второй зовет к борьбе и победам здесь, на земле. Первый все свои надежды на словах связывает с голой проповедью морали, а на деле сковывает волю угнетенных и порабощенных собственниками, затемняет их сознание и заглушает чувство возмущения, второй зовет их разбить оковы капиталистические, об'единяет их силы, организует их волю, возвышает их мощь в развивающейся классовой борьбе.

Мы живем в эпоху великих классовых войн. Открытой вооруженной рукой рабочий класс решает великий спор о том, кому быть хозяином на земле, кто должен владеть миром и можно ли не на словах, не в поповских проповедях, а на деле установить царство труда, правды, равенства, братства и справедливости на земле. И в это время особенно резко противостоит один праздник другому, 1-е мая—Пасхе, так же резко, как уходящий, изжитый старый мир противостоит нарождающемуся новому. Пусть старый мир празднует свою Пасху, он и сам не верит в пути, указанные некогда его воскресшим богом, творцы нового мира должны праздновать 1-е мая, должны твердо знать, что только их пути завоюют человечеству и то, о чем говорит христианская легенда о воскресшем боге любви и правды, и то, что провозглашено было великими учителями социализма, во имя чего 32 года тому назад международным пролетариатом был установлен светлый день 1-го мая.

А. СОЛЬЦ.

МЫ ДОРОЖИМ ОДНИМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ СЛЕПКОМ.
В НЕМ—ОБРАЗ СИЛЫ ТОЙ, КОТОРОЙ РУСЬ КРЕПКА:
СОЕДИНЕННЫЕ В ПОЖАТЬИ БРАТСКИ-КРЕПКОМ
РУКА РАБОЧЕГО С РУКОЮ МУЖИКА.

„На земле мир, в человецех благоволение".

Рабочий праздник 1-го мая в этом году совпадает с христианским праздником Пасхи.

1-е мая—это установленный пролетариатом праздник борьбы во имя освобождения труда от всякой эксплоатации, праздник борьбы против милитаризма. Пасха для христиан — праздник мира, праздник духовного обновления... «На земле мир, в человецех благоволение»—таков был лозунг этого праздника.

32 года тому назад был установлен рабочий праздник 1-го мая. 32 года пролетариат всего мира под знаменем II Интернационала бросал в этот день работу, устраивал демонстрации, чтобы приблизить то время, когда на земле действительно установится мир и счастье всего человечества. Много сотен лет тому назад был установлен праздник Пасхи. Ежегодно с тех пор христианство возносило в этот день моления своему богу, прося его осуществить «на земле мир, в человецех благоволение».

Что же дали эти демонстрации под знаменами II Интернационала и эти моления под хоругвями христианства?

Почти семь лет тому назад началась мировая империалистическая война. Она не закончилась до сих пор. Империалисты-победители до сих пор еще не могут реализовать плоды своей победы, ибо, с одной стороны, их интересы сталкиваются и они мешают друг другу в деле захватов, а с другой стороны они наталкиваются на жестокое сопротивление тех народов, которые они хотят поработить. Весна текущего года отмечена новыми поражениями, которые потерпел грабительский империализм в Малой Азии со стороны турок.

Не успели еще замолкнуть последние громы этой империалистической войны, а на горизонте уже скопляются новые грозные тучи новой мировой войны. Соединенные Штаты и Япония, которые являются главными силами в этой войне, лихорадочно готовятся к ней.

Мало того, самый день 1-го мая французские империалисты избрали днем, когда они хотят начать свое наступление на Германию, чтобы принудить ее к выполнению грабительских условий продиктованного ими ей версальского мира. Что это, как не прямой вызов пролетариату, который этот день избрал для того, чтобы требовать всеобщего мира.

Чуть не две тысячи лет христианство возносило свои моления о счастьи трудящихся и обремененных. 32 года собирались эти последние под мирными знаменами II Интернационала. Что же было достигнуто в этой области?

В Англии уже целый месяц (с 1-го апреля!) кипит жестокая борьба углекопов против предпринимателей, стремящихся понизить заработную плату. Угля уже не хватает. Многие фабрики и заводы останавливаются. Число безработных растет. А стачечное движение угрожает захватить чуть не все отрасли промышленности Англии.

Да и не одной Англии. В Словакии, в Польше, в Румынии начались забастовки сельскохозяйственных рабочих. Сильное крестьянское движение вспыхнуло в Румынии. Италия накануне об'явления всеобщей забастовки.

Да иначе и быть не может. Слишком невыносимо, слишком мрачно стало положение рабочего. Безработица всюду растет, заработная плата всюду падает. Нищета простерла над всем миром трудящихся свои черные крылья.

Вот до какого положения довели мир трудящихся под бледно-розовыми, а теперь выцветшими до желтизны знаменами II Интернационала и под золотыми хоругвями христианства.

Немудрено, что теперь он отбрасывает эти желтые знамена и хоругви и поднимает ярко-красное знамя коммунизма. Он чувствует, что только путем суровой революционной борьбы под этим знаменем он осуществит «на земле мир, в человецех благоволение».

Н. МЕЩЕРЯКОВ.

Красная пролетарская Пасха.

Слепых, скорбящих душ слепое упованье,
Ты в муках создало скорбящий лик Христа,
Его предателя нечистые уста,
Его мучителей глухое завыванье,
И, пригвоздив к кресту распятую любовь,
Ты кровью жертвенной всех палачей омыло.
Так было.

* * *

Веками было так. Но так не будет вновь,
Религия рабов—не для бойцов свободных,
Мы—отомстители за пролитую кровь,
За миллионы жертв, за море слез народных,
И алым знаменем, карателя царей,
Мы заменяли крест народного распятья.
И, стоя у иных, распахнутых дверей,
Мы пламенно зовем: «Прозрите же скорей,
Единокровные, слепые наши братья!»

[illegible]

1-ое мая в России.

1891—1896 г.г.

Дворянство со своим царским правительством торжествовало. Революционеры были раздавлены. Интеллигенция проповедывала толстовское непротивление злу насилием. Самодержавие, казалось, не имело врагов с тех пор, как погибли на виселице в Шлиссельбурге Ал. Ил. Ульянов с товарищами.

Но среди мертвой тишины, в глубочайшем подполье, зародилась новая, еще неведомая, сила пролетариата. И 1 мая 1891 года, в глухом лесу, охраняемом своими патрулями, рабочие первый раз устроили смотр этим силам. Невелики они были. И в первых майских речах рабочих звучала, только как заветная мечта, мысль о том далеком будущем, когда не зверями, среди болот, а хотя бы рабами капитала, но открыто, на улице, будут рабочие праздновать свой день.

Разошлись бодрые, радостные. А в 1892 году уже не спасли патрули. Шпики проследили, и тюремные двери захлопнулись за первыми в России жертвами первого мая.

Это были петербургские рабочие: Влад. Фомин, Ив. Ив. Егоров, Яковлев, Медведев, Кириллов, Савельев, Петр Кайзо.

Время шло, и переселялись в тюрьму Петр Морозов, Федор Афанасьевич Афанасьев, Егор Афанасьевич Климанов, Владимир Прошин, Николай Богданов, Иван Кейзер, Андрей Фишер, Константин Норинский, Антушевский, Вас. Андреевич Шелгунов, Иван Васильевич Бабушкин, Ник. Полетаев и прочие пионеры борьбы за освобождение пролетариата.

Федору Афанасьевичу иваново-вознесенские рабочие дали впоследствии кличку «отец». Но не он один, а все рабочие, революционные деятели того стародавнего времени, должны считаться отцами коммунизма наших дней.

Говорят, что Ив. Ив. Егоров оставил тюрьме и тюремщикам свои чудесные волосы. Счастливец легко отделался. Шелгунов потерял глаза. Многие—и жизнь в придачу. Многие ли дожили до наших дней?

Не в одном Петербурге появились тогда отцы,—где еще? Как их звать? Где они теперь? Кто знает,—сообщите в Истпарт (Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., 8).

Выступление «отцов» пролетарской революции всколыхнуло и буржуазную интеллигенцию. А сердце старых революционеров затрепетало новыми надеждами.

В 1896 году в Петербурге появляются первомайские листки, и разливается забастовочное движение. «Первым толчком к «об'единению» широких рабочих масс,—вспоминает один товарищ,—был наш маленький и скромный майский листок». (См. газету «Волна» 1906 г., № 6).

1905—1906 г.г.

Разразилась октябрьская всероссийская забастовка. Всесильный самодержец оказался бессильным, и настали «дни свободы». Тюремные двери открылись: под революционными знаменами десятками тысяч голосов загремела на улицах рабочая марсельеза.

Самодержавие притаилось, чтобы вернее нанести внезапный удар по революции. Застрельщиками оно выслало «черную сотню» шпиков, переодетых полицейских, хулиганов и другие темные силы.

И первой жертвой темных сил пал самый стойкий, самый непоколебимый отец—Федор Афанасьевич Афанасьев. Его убили в Иваново-Вознесенске, на реке Талке, почти на глазах товарищей. Убийцы уже отошли, думая, что кончили свое дело. Отец приподнял голову.

— Жив еще!—крикнули царские слуги,—вернулись и ударом по голове добили отца пролетарского движения.

Разразилось московское восстание 1905 года. Оно нашло отклик и в других рабочих центрах. А в далеком Забайкалье, почти в то же время, погиб второй отец—Иван Васильевич Бабушкин.

С пятью товарищами вез Иван Васильевич оружие в Читу. Их захватила карательная экспедиция генерала Ренненкампфа. Вырыли наскоро яму, и все шестеро были расстреляны над своей братской могилой.

1-е мая 1906 года в Петербурге прошло недружно. Забастовки были. Но краса и гордость Петербурга—Путиловский завод—работал.

«Слезные путиловцы встретили первое мая в рабочих блузах, за станками»,—писали в газетах. А московский пролетариат и вовсе молчал, раздавленный усмирителями декабрьского восстания.

Рабочие были подавлены. А либеральная буржуазия, напуганная ростом рабочего движения, праздновала свои политические именины в первой государственной думе, завоеванной руками рабочих. Вполне подтвердилось все, что давно перед тем говорил и Ленин о предательстве либералов.

1912—1914 г.г.

Оправляется пролетариат. Ленский расстрел разом всколыхнул его от моря до моря.

Нужна рабочая газета, и за это дело берется также отец пролетариата, член государственной думы, Николай Гурьевич Полетаев. Вместе с ним работает и снова жертвует своей свободой тоже отец Василий Андреевич Шелгунов.

Уже больше 20 лет прошло, как они стали мыкаться по тюрьмам. Уже новое поколение пролетарских борцов поистине годится им в дети,—но на трудном и самом ответственном посту остаются отцы.

Помогает и Егор Афанасьевич Климанов, нелегально живущий в это время по паспорту Бубнова.

Нехватает Владимира Прошина. Уже не выступит он перед рабочими, как выступал с речью на первомайском собрании 1891 года: он убит при взрыве трансформатора. Нет уже в живых Петра Морозова, сломленного тюрьмой и ссылкой.

Редеют ряды отцов. Но дело без них не обходится.

Празднование первого мая в эти годы становится все внушительнее. Число бастующих переваливает в одном Петербурге за сто, потом за двести тысяч.

Рабочие выходят на улицу. Пробираются к центру, на Невский проспект.

Чаще взвеваются красные знамена, ожесточеннее становятся свалки с полицией. Революция растет со сказочной быстротой.

С кем и против кого идет в эти годы пролетариат?

Либеральная буржуазия, которую в 1892 году всколыхнули отцы пролетарской революции, которая в 1906 году праздновала открытие государственной думы под стоны раздавленного усмирениями пролетариата, теперь за одно с полицией обрушивается репрессиями на рабочих: полиция избивает, арестует, а фабричная администрация штрафует, увольняет.

Во время ленского расстрела жандарм Терещенко помог буржуазным заправилам подавить забастовку ценой сотен рабочих жизней. Теперь буржуазия старается отблагодарить царских охранников, помогая им своими репрессиями.

Когда-то революция шла с либеральными попутчиками против самодержавия. Теперь революционный пролетариат идет и против самодержавия, и против либералов. Зарождается основа для октябрьской революции 1917 года.

1917—1920 г.г.

В 1917 году пролетариат празднует первое мая без опасения казачьей нагайки.

Долой буржуазию! Долой войну!

Стройные ряды. Радостные лица. Флаги, плакаты. Невидно им конца. Захватывает дух у отцов.

— Об этом мы мечтать не смели,—думают они.

Ветхая, изможденная старуха плачет от умиления. Шепчет: «Этакий красавец народ! И такого красавца держали связанным!»

Чередуются рабочие, интеллигенция.

— Долой войну!—раздается с трибуны.

— Ура!—гремят рабочие.

— Долой войну!

Интеллигенция смущенно молчит. Это—не фабричная администрация, а интеллигенция революционная, до сих пор шедшая под красным знаменем; завтра у нее будет новое знамя,—белое...

И эти люди, с белым знаменем, спустя год—два, расстреливают еще одного из отцов пролетарской революции—Ивана Ивановича Кейзера, в г. Лебедине.

А неутомимый Егор Афанасьевич Климанов едет из Москвы в Петербург и там из тифозной больницы переселяется на вечный покой.

Друзья Егора Афанасьевича помещают в газете об'явление о дне похорон. Новому поколению славного питерского пролетариата мало что говорит имя Климанова, организатора первого в России майского празднества. Где его могила? Ее не знают питерцы, подобно тому, как московский пролетариат не знает дороги к Шелгунову и Полетаеву,—в № 420 второго Дома Советов.

Редеют ряды отцов; новые времена ставят новые задачи, а отцы переходят на стариковское положение. Продолжают работать в тени, как почти всю жизнь работали в подполье.

А жизнь идет вперед и вперед.

Красуйся, молодая жизнь! Ты сумеешь устроиться так, чтобы не понадобился тебе во веки веков опыт старой подпольной работы, так дорого обходившийся отцам революции. Пусть скорее придет пора, когда молодежь с трудом будет верить, что когда-то можно было праздновать первое мая так, как праздновали его отцы пролетарской революции!

М. ОЛЬМИНСКИЙ.

Мелкобуржуазные партии в день 1-го мая.

В период господства легальных социал-демократических форм рабочего движения создался особый тип социалистов—чрезвычайно законопослушных, действующих только на почве существующих законов. Постановления международных конгрессов, самые боевые решения рабочих классов [illegible] в их руках превращались [illegible] формальность. Таково было и их отношение к празднику 1 мая. Во многих странах [illegible] партии, принадлежавшие ко 2-му Интернационалу, не только не выходили на улицу в этот день, не демонстрировали свои силы, не выносили [illegible] протест рабочего класса на улицу, но откладывали самое празднование 1-го мая до ближайшего [illegible].

В период борьбы за буржуазную демократическую республику в России, эти партии (меньшевиков и эс-эров) [illegible]. Эс-эры же [illegible] демонстрации. Мы [illegible] революционностью нет на самом деле ни зернышка [illegible], что в борьбе за социализм эти люди неспособны проявить и десятой доли того революционного пыла, какой они проявляют, когда дело идет о завоевании буржуазно-демократического строя.

Это проявлялось на всем протяжении четырех последних лет с особенной яркостью. И майский праздник 1917 г., когда еще не окончился медовый месяц союза меньшевиков, эс-эров и кадет, был днем протеста рабочих масс против этого союза, против партий, его возглавлявших. Цели, за которые тогда боролись эти партии, ведь, были целями как раз той самой буржуазии, которая не считала возможным порвать договоры с союзниками-империалистами.

Зато в годы, когда пролетариат овладел государственной властью в единственной стране, где пролетариат это господство осуществил, эти партии выявили себя достаточно в день 1 мая.

Наши радостные, яркие праздники, которые становятся все более и более народными, охватывают все шире крестьянскую массу, вливают новое содержание в этот праздник,—им не по душе. «Казенный праздник!»—так презрительно говорят они о дне 1 мая. Как же не казенный, когда он утвержден правительством! Как будто не является целью рабочего класса утверждение в виде законов всего того, чего добивается рабочий класс! Когда мы насаждали деревья в наших майских садах, когда в мае 1920 г. подняли буквально больше 10 миллионов людей на радостный коммунистический труд в день 1 мая, они говорили с кислой и злой улыбкой,—«казенный праздник». Или сердито шипели: «празднуйте, а заставляют работать!»

А что они делали это время?

В 1918 г. они готовились с чехо-словаками и Антантой открыть «дорогу Учредительному Собранию», взрывать мосты, портить дороги, жечь города, окружать нас блокадой.

В 1919—1920 годах они продолжали это дело. И в день 1 мая 1920 г., когда мы созидали, они преступной рукой разрушали.

Мы вошли в нынешнюю четвертую маевку. Среди невероятных трудностей, мы радостным праздником встречаем этот день. Героев труда мы чествуем сегодня в знак того, что мы всем существом своим стремимся только труд поставить владыкой на земле.

Но эс-эры и меньшевики не прекратили и сегодня с нами борьбы. Они и сегодня не разрывают нитей, связывающих их с буржуазией. Под революционной внешностью, они и сегодня таят в себе силы, нужные теперь только самой отчаянной реакции.

За все эти годы, усиливается участие крестьянских масс в праздновании 1 мая.

Последняя опора — крестьянство — ускользает из-под влияния этих партий.

Это сказывается и на том, что в [illegible] РКП все чаще и чаще идут крестьяне. Задача наша в день 1 мая,—эту [illegible] связь нашу, подчеркнуть в [illegible] от одного до другого мая, укреплять и каждый раз учитывать, как далеко и глубоко вошло, усилилось это влияние. И мы уверены, что еще задолго до полной победы коммунизма, исчезнет почва для существования нынче вредящих нашему делу мелкобуржуазных партий, прикрывающихся именем [illegible].

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

Предрешенное!

С тех пор, как мир стоит,—не три, четыре года,—
Две силы борются: владыки и рабы,—
И он неотвратим, как приговор судьбы,
Час предрешенного исхода
Их титанической борьбы.
Чем ближе этот час, тем яростнее схватки
И тем опаснее наш каждый ложный шаг.
Пускай порой ликует враг:
— «Рабы отброшены! Ряды их стали шатки!»
Мы, маневрируя и обходя рогатки,
Несем уверенно наш пролетарский стяг.
Отчаянье родит безумие героев,
Готовых жертвовать и делом и собой.
Но мы не прельщены отвагою слепой,
И отступаем мы, чтоб, нашу мощь утроив,
С тем большим мужеством вступить в последний бой.
Сегодня, празднуя со всем рабочим миром
Наш праздник красный, трудовой,
Мы, может, встретимся не раз с церковным клиром
И будем видеть, как Советскою Москвой
То там, то здесь пройдет молящаяся группа.
Да, это темноте народной, вековой,
Есть тоже грустная уступка.
Но кто, какие господа,
Дерзнут уверить нас, с насмешкою холодной,
Что светом знания мы темноты народной
Не одолеем никогда?!
Да, может, вы не раз, герои-ветераны,
Отступите то здесь, то там перед врагом,
Уступите в одном, чтоб выиграть в другом,
Но близок час, когда, воспламенив все страны,
К твердыне вражьей вы приставите тараны,
Громя убийц, круша последний их оплот,
Свершая наш обет и боевые клятвы.
Все жарче солнца луч. И близко время жатвы.
Мы сделали посев. И мы получим плод.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Наброски.

[illegible]
К началу новых времен,—
К победам!

Верхарн.

Сегодня мировой коммунизм выступает единым фронтом и становится против фронта капитализма. Майский праздник, это—праздник коммунизма, майская песня, это—песня пролетарской борьбы и победы, майское знамя, это—знамя восстания угнетенных. Красный май только нам принадлежит!

Второй Интернационал даже в лучшие годы своей жизни не умел прекрасное майское слово претворить в мощное майское дело. Он говорил о том, что нужна единая международная майская демонстрация, но никогда буржуазный мир не был поставлен перед грозным фактом единого мирового пролетарского выступления. А когда началась мировая война, предатели социализма красное майское знамя постыдно сожгли в огне империалистического пожарища.

Майский праздник возродился вместе с коммунизмом, как праздник коммунизма. Это коммунист Карл Либкнехт поднял майское знамя в 1916 году—против буржуазных правительств, против буржуазных «социалистов», против смиренно-мудрых сторонников «демократического» социализма.

Сегодня под майское знамя становится тот, кто готов бороться! Сегодня происходит всемирный смотр революционным борцам, а не «социалистическим» предателям, болтунам и бездельникам.

28 лет тому назад цюрихский конгресс II Интернационала считал, что майский праздник должен «укреплять надежду на приближение социального переворота». Сегодня речь идет не о «надежде», но о «приближении». Сегодня речь идет о том, что борьба уже началась, что рабочий класс вовлечен в решающую схватку, что правительства Европы и Америки стали правительствами гражданской войны против рабочего класса.

Сегодня Коммунистический Интернационал говорит: майский праздник должен расширить и укрепить ряды пролетариата, чтобы он мог опрокинуть и прогнать буржуазию и захватить власть в свои руки для организации нового общества.

* * *

Рабочий класс Европы, ломая рамки «легальности» и «законности», открывает новую эпоху в своей освободительной борьбе. Каждый «неосторожный» взмах его руки, каждое «необдуманное» движение его плеч сотрясает основы могущественных капиталистических держав. Еще вопрос, что предпочитает английская буржуазия: десять дней стачки углекопов или десять поражений на фронтах внешней войны?

Никакая сила в мире не введет пролетариат в прежние «нормальные» границы, никто в мире не привяжет его более к капиталистической тачке. «Мирный», «свободный» капиталистический труд нарушен окончательно, ибо он не гарантирует рабочему классу «хлеба насущного».

Капитализм обещал «после победы» рай земной, а начал с того, что сокращает заработную плату, прибегает к локаутам, увеличивает армию безработных. Капитализм вооружил свою белую охранную гвардию, перешел в наступление против рабочего класса и теснит его по всему фронту. Отступая, пролетариат неизбежно строится в боевые колонны, ищет штаб и находит его в лице коммунистической партии.

Сейчас капиталистические правительства и буржуазные шайки [illegible] пролетариату [illegible]

уроки. Пролетарии Европы и Америки не могут не бороться, если хотят жить. Они хотят жить—поэтому неизбежно должны бороться за власть. История не дает им выбора. Она говорит только: «Торопись! Чем скорее, тем лучше, тем легче справиться с проклятым наследством капитализма!»

Советская Россия и мировой империализм. Кто сильнее? Кто победит? Сегодня мы нищи, голодны, замучены, истерзаны. Сегодня убога Советская страна. Сегодня усталость гнетет и давит нас. Борьба и работа неслыханно трудна.

Но она ведется, и мы—пусть страшно медленно, пусть еле заметно,—двигаемся в гору. До последнего перевала еще далеко, но каждый шаг вперед увеличивает наши силы, укрепляет наши ряды. Мы достигнем вершины! Еще и еще раз республика Советов сотворит чудо и превратит страну голода и разрухи в страну радости и довольства!

А там, на Западе? Буржуазная Европа катится под гору...

Безработица, забастовки, локауты в невиданных доселе размерах. Белая гвардия, белый террор—венец «классового мира» и «сотрудничества». Финансовый кризис, недостаток сырья и топлива. Колоссальная задолженность Америке. Подготовка к новым войнам.

Вот основные явления европейской жизни. Ни одно из этих явлений не ослабевает,—наоборот, они усиливаются. Кто при таких условиях может мечтать о «возрождении» буржуазной Европы? Там в порядке дня поставлено не мирное экономическое обновление, а гражданская война, в которой буржуазия не имеет никаких шансов на победу.

И если за последнее время у европейских буржуа несколько улучшилось настроение, если, под влиянием первых «военных» побед над рабочим классом, капитализм выглядит бодрее, веселее, то это роковой самообман. Румянец на лице буржуазии, это—румянец на лице чахоточного перед смертью...

* * *

Уже четвертый раз светит нам, русским пролетариям, веселое майское солнце. С каждым годом в мире нас становится все больше и больше. Кто сомневается в том, что грядущее—наше?

Никогда на шаре земном не было так радостно жить, как в эти великие годы, когда десятки и сотни миллионов разрывают вековые цепи, когда кипит весь мир и рушатся старые своды капитализма...

Ил. ВАРДИН.

Красная молодежь и 1-е мая.

В день 1 мая 1921 года рабочие и крестьяне Советской России подсчитают итоги многолетней борьбы пролетариев всех стран за освобождение человечества от ига капитала.

Сознательной молодежи надо тоже вспомнить «дела минувших дней», ибо еще долгие годы придется ей брать пример с юных героев многолетней пролетарской борьбы.

В старые времена николаевского режима, когда 1 мая в России превращалось из праздника в день мученичества для рабочего класса в тайных маевках, в стачках, забастовках, в демонстрациях перед шеренгой блестящих штыков и казацких нагаек—на первом месте, в первых рядах, праздновала великий день международной солидарности всех стран рабочая молодежь. Вместе с взрослыми рабочими-социалистами, юные пролетарии проходили крестный путь тюрем, ссылок и каторг.

Во время мировой войны, когда трусливо изменившие пролетарскому делу социал-предатели старались превратить день первого мая в мещанский неуклюжий праздник, организации пролетарской молодежи, вместе с оставшимися верными делу коммунизма революционерами, пытались восстановить истинное значение и содержание первомайского праздника. История революционного движения не забудет 1 мая 1916 года, когда Карл Либкнехт вышел на Потсдамскую площадь Берлина и провозгласил свои огненные лозунги: «Долой войну», «Долой правительство».

В эти тяжелые для рабочего класса годы, его передовая молодежь проводила в жизнь установленные для первомайского праздника антимилитаристские лозунги.

А с тех пор, как загорелся мировой пожар на улицах Петрограда и Москвы и языки пламени стали перебрасываться в измученные долголетней войной страны Запада, революционная молодежь одной из первых в день 1 мая гордо подняла знамя Коммунистического Интернационала, на которое лили потоки грязи и клеветы эксплоататоры и их прислужники.

Трудящаяся молодежь России жила в последние 4 года совершенно в другой обстановке, чем ее западные братья. Сделавшись равноправной участницей в работах пролетарского государства, она стойко отражала натиск белогвардейцев и энергично работала над своим собственным развитием. В дни первого мая 1918, 19 и 20 г.г. красная молодежь республики подсчитывала жертвы, понесенные ею на фронтах революции и клялась бороться до конца.

1 мая 1921 года Коммунистическому Интернационалу молодежи, об'единяющему в 85 странах, свыше 1 миллиона членов, есть о чем вспомнить и что подытожить.

1 мая 1921 г. мы не только будем вспоминать о прошлом, мы произведем смотр своим силам, силам юных пролетариев России и всех стран. Организация трудящейся молодежи России Р. К. С. М. за годы гражданской войны сильно развилась, окрепла, закалилась в революционных боях и вступает в новый бой с хозяйственной разрухой, с решимостью довести его до полного завершения коммунистического строительства.

Интернационал молодежи, который понес громадные жертвы в борьбе с западной буржуазией, несмотря на затяжку мировой революции, с бешеной энергией продолжает свою коммунистическую работу. В скором времени состоится его второй конгресс, который даст новые лозунги и вольет новую бодрость в ряды юных пролетариев всех стран. Мы уверены, что и в этом году в день первого мая в первых рядах демонстрантов на улицах европейских городов будут юноши и девушки международного пролетариата.

Первого мая 1921 года мы будем смотреть в будущее, и честные герои военного и хозяйственного фронта наметят пути нашей дальнейшей работы.

Красная молодежь Советской России должна в этот день твердо помнить, что мы еще находимся лишь на пути к коммунизму и что долго еще юным пролетариям придется зажигать энтузиазмом широкие массы трудящихся, ломающих преграды и препятствия.

Пусть не будет места унынию в рядах красной молодежи. Трудно приходится нам в разоренной и обнищавшей стране. Голодными и раздетыми встретим мы великий пролетарский праздник—но свободными, полными решимостью уничтожить разруху и построить коммунистическое общество. В день 1 мая 1921 года, после четырехлетней тяжелой борьбы, пусть пронесется в колоннах красной молодежи наш старый клич: смерть или победа! Смерть разрухе, победа коммунизма—вот наши задачи и лозунги первомайского праздника.

В этот день мы должны подумать и о том, что пора нам начать и великую работу по переустройству жизни и воспитания молодежи, основы нашего коммунистического строительства.

Социалистическое воспитание молодежи—вот наша первая задача на ряду с хозяйственным строительством.

Пусть молодежь себе скажет: «Мы также отважно боролись на хозяйственном фронте, как и на военном. Мы также энергично строим новую жизнь для молодежи, как разрушали старую».

ЛАЗАРЬ ШАЦКИН.

Праздник трудящихся.

Прошел целый ряд лет нашей рабочей борьбы, для которой день Первого мая был великим днем, но не был праздником. Ежегодно в этот день мы об'единялись в мировой рабочий союз, но при этом каждый из нас терял свою рабочую карьеру, накопленную за истекший год или месяцы. Терялось с трудом приобретенное место, постепенно отвоеванные на заводе удобные тиски или станок, погибал заслуженный кредит в заводской лавочке, обрывалась и [illegible] комната или угол с складной клопиной кроваткой и другой собственностью. Мы опять начинали с камеры, с этапных переездов на новые места и всей прочей пролетаризации. Нас срывали с места работы, бесконечно затрудняя нашу жизнь, лишенную радости, и увеличивая наш труд, к которому мы всегда наново приспособлялись. Но и мы в своей борьбе шли путем разрушения и ломки производства, нам чуждого, и строя, нам враждебного. Мы шли путем взаимного разрушения. Нарастали и накоплялись в этом процессе только сознание нашего становившегося непобедимым могущества и нашей пролетарской солидарности. В первомайский день это сознание оформлялось и выявлялось.

Пережитые гонения всех этих лет сохранились в памяти, как ничтожные, часто смешные эпизоды, как обрывки рассказов о ком-то другом.

—

Демонстрация в Одессе. Она разогнана в самом начале. Спасайся, кто может. Казак верхом скачет за мной. Я на какой-то площади вскочил на решетку скверика и юркнул в кусты. Казак разогнал лошадь и перескочил вслед за мной, но кусты мешают ему больше, чем мне, и я ускользнул, выскочил на одну из многих рассеянных по старой России Явских улиц. Я в подворотне огромного дома и уже успокоился. Казак нагнулся, и лошадь прошла в ту же калитку. Мой товарищ успел закопаться в ящик с известью. С быстротой и ловкостью, приобретенной на работе в многоэтажной мельнице, я лечу вверх по какой-то лестнице. Казак вошел в азарт. Лошадь брошена внизу. В руках у него нагайка и шашка, и он несется за мной. К счастью дверь на чердак открыта. Еще секунда, и я на чердаке, темном и грязном, потом на крыше. Вот и он показался из какого-то слухового окна. Вооружение ему явно мешает. Его выстрел звучит бессильно, как хлопушка, потому что я уже перескочил на крышу соседнего дома, а он не решился—ему есть, что терять, а мне нечего.

Остался в памяти медленный, осторожный спуск уже на другой чердак. Звуки выстрелов больше не доносятся, но может быть ищут разбежавшихся по чердакам. Нужно уйти, а дверь на лестницу заперта и ее приходится нажимом сорвать с петель. Я звоню в квартиру какого-то архитектора и правдиво заявляю ему о своем положении. Об этом говорит без слов и мой вид. Прошу меня скрыть. Идет разговор, характерный для того времени, когда интеллигенция еще не была, как теперь, на переломе. Она еще не переламывалась, и меня вежливо, но настойчиво, с извинениями, но без допущения возражений, просят уйти. Я все-таки добиваюсь, чтобы мне одолжили на пару дней пиджак, вместо блузы, и из страха иметь неприятности мне с опаской и неохотно оказывают эту помощь. Я выхожу на улицу, праздник закончен, начинаются будни.

—

Другое первое мая. Мы большой компанией сидим дома. Решили ничего не устраивать. Купили на брата по копеечному кусочку нарезанной селедки, всего на восемь копеек, купили четыре фунта хлеба на двенадцать копеек, на 2 копейки чаю, на 4 копейки четверть фунта сахару, на 2 копейки кипятку. Достаточно дешево, но достаточно голодно. За город мы не поехали, чтобы не быть арестованными. И все-таки на другой день идет рассчет с завода, арест, высылка. Почему? За что? Мы не демонстрировали своей солидарности с мировым пролетариатом, а не работали из-за головной боли. Не верят. Головная боль не бывает повальной. Мы не очень на этом настаиваем.

—

Ярким в памяти остался Берлин. Первомайское собрание, на котором выступает Бебель. Седые волосы и огневые глаза. Потрясающая речь. Не агитация вождя, а выявление и озарение сознания всего многотысячного собрания. Каждый из нас чувствует, что это говорит не Бебель, а говорим мы все—он только формулирует окружая слова огнем и факты ореолом.

На собрание мы пришли, как в свободной стране. Полицейский шуцман у дверей вежливо меня пропустил, а на обратном пути с собрания другой уже штатский не менее вежливо приглашает зайти на минутку в управление. У него карточка тайной полиции. Я и мой товарищ задержаны. Ее не обыскивают, но меня обыскали. Нас потом вежливо выпускают, а на другой день высылают из Берлина в трехдневный срок, как обременительных иностранцев.

Я сижу потом в кабинете знакомого и любимого депутата рейхстага. Это любимый товарищ всего мирового пролетариата. К. Либкнехт. Он диктует стенографистке по моему делу и шутит. «Какие эти шуцманы способные, они узнают русского даже, когда он сидит и молчит. Русские действительно обременительнее для порядка, чем немцы». В результате высылка взята обратно, и мне предложено уехать по свободному желанию с тем, что если это не будет мною сделано, высылка войдет в законную силу.

—

Наша революция эти старые картины изменила. У всех в памяти шествие с знаменами сотен тысяч рабочих и речи на площадях. Мы все участвовали в прошлом году в грандиозном субботнике, который пришел на смену параду.

Праздник—это отдых, праздник—это радость. В этом году мы можем в первый раз радостно в этот день отдохнуть. Можем ли мы действительно? Имеем ли мы право?

О праве на отдых никто не спорит. Мы слишком мало помним, что человек это машина, работающая с утомлением. Это сейчас только доходит до нашего разгоряченного великой борьбой сознания.

Субботник прошлого года был продолжением героически начатой неорганизованной борьбы с разрухой. Так все село сбегается тушить пожар и каждый делает, кто во что горазд. Организованная жизнь вручает это дело пожарной дружине, специально приспособленной. Большой радостью нужно считать то, что мы в этом году прочно подошли к организации труда, к его разделению и разумному использованию. Субботник уже не является для нас лучшим выходом. Мы наметили новые пути целесообразного использования труда, и идем этими путями, несмотря на обстрел и заграждения наших врагов, поднявших голову на этом фронте, и наш разумный труд должен чередоваться с разумным отдыхом.

Нужно ли нам устраивать грандиозные демонстрации нашей солидарности с мировым пролетариатом? Сейчас это больше не нужно. Пролетариат всего мира не только уже твердо знает о том, что мы с ним солидарны в его стремлении свергнуть иго капитализма, но что мы стоим во главе движения, что мы умеем и идти на приступ, и окопаться, чтобы иметь возможность выждать его подкрепление. Это первое и главное основание, которое дает нам право на радость, а, следовательно, и отдых в этот великий день.

Мне, ставшему производственником из врага производства, изучавшему его, как изучают холерную бациллу или нашествие Атиллы, сейчас вспоминаются впечатления последнего времени, которое богаче всей предшествующей жизни.

—

Маленький древний Нязе-Петровский завод на Урале, признанный негодным для производства и подлежащий ликвидации. Меня окружила группа рабочих. Старый металлист уралец говорит спокойно и уверенно, что нет в мире лучших рабочих, чем Нязе-Петровские, нет лучшего завода, чем Нязе-Петровский, что его нельзя остановить и уничтожить, что он сейчас, не имея сутунки, чтобы выделывать листовое железо, стал делать ведра и посуду, что они сами нарубили для завода дрова. Они улучшают плотину, чтобы иметь силу без топлива. Я не спорил. Лучшего завода, лучших рабочих нет в мире. Техника создается рабочей самодеятельностью, рабочей производительностью.

Вот другой уже огромный и мощный с богатейшим оборудованием Коломенский завод. Длинная улица станков для обточки вагонных и паровозных колес. Станки стоят. От голода, от тифа рабочие этой улицы вымерли и разбежались. Работает только один станок. Уцелел один только токарь. Ему под шестьдесят, и он сорок лет работает. Он один на посту. Постой еще на посту, дорогой товарищ, на Краматорском заводе тебе сделают новый станок, на котором ты один заменишь почти всю свою мертвую улицу, станок, который обтачивает колесную пару не в 10 часов, а в 40 минут. Я вспоминаю тебя с радостью, потому что ты говорил мне: «Мы не бросим работы. Будет хлеб—хорошо, нет—нам голодать не впервые. Мы и раньше не были сыты». Ты не забыл старого рабочего горя и рабочей нужды.

В моей памяти из многих тысяч выделяется другой рабочий. Я в Приокском горном округе, в стране, которая может стать и несомненно станет Бельгией социалистического строя. Я стою ночью, часа в 3, в трубопрокатном цехе Кулебакского завода и с ужасом смотрю на архаические приемы работы. Делают паровозные дымогарные трубы. Железный лист согнут в трубу, и его нужно по всей длине заварить. Загнутая труба накаляется добела в специальной печи. В определенный момент по команде стоящего у печи рабочего десять человек бегом тянут вместе с ним веревку, прикрепленную к крюку, зацепленному за трубу. Они быстро протягивают ее, стремительное напряженное усилие, и перед нами уже настоящая труба, на которой шов не виден.

Я стою и смотрю на командира трудового фронта. Сколько напряжения и твердости нужно, чтобы стоять в ночной смене в этом аду у самого огня и не пассивно слушаться, а активно каждый раз бросать других в напряженную работу. Он в лаптях из лыка, на которые сыплются искры, и каждый раз он тушит их пальцами. Кожаного фартука, который ему необходим, республика ему не дала. Одежда на нем тлеет от жара. Он без рукавиц, и я чувствую себя перед ним преступником. Из каких мотивов он работает? Что происходит в его мозгу? Можно заставить тянуть веревку, но работать на его месте заставить нельзя. Вот он заметил меня и ко мне подошел. Одна только фраза и, не ожидая ответа, он вернулся, и опять стоит у печи.

— Только профессиональный долг велит мне продолжать работу.

Нам нередко бросают упрек, что в наше время умерло благородство. Я навсегда преклонился перед твоим благородством. Оно прекраснее старого рыцарского, оно несравнимо с старым дворянским.

Еще один образ. Я в заводском городе Кыштыме. Это центр медно-добывающей промышленности. Металлургический завод, в котором рабочие быстро изнашиваются даже при самых лучших условиях. Нет дома, где не было бы тифа. Одни умерли, другие вымирают без ухода и лечения. Есть дома, где все умерли, потому что некому было затопить печь или что-нибудь приготовить. Есть один врач, который не выходит из больницы и сам переболел. В городе ни одного термометра, никаких лекарств. Меня одели в халат, и я хожу по большому зданию школы, обращенной в барак. Врач был здесь четыре месяца тому назад. Нет керосина, угольную электрическую лампочку обслуживающие приносят с собой, а потом больные остаются в темноте. Барак переполнен. Мертвые лежат в коридоре, потому что мертвецкие не менее переполнены. «Вошь победит социализм или социализм победит вошь»? Этот вопрос, прозвучавший на весь мир, стоит передо мною разрешенный. Я с ужасом вижу, что побеждает вошь, что она взяла власть, вырвала ее из наших рук, и своим тупым могуществом подавляет все наши достижения.

Молодая девушка указывает мне на свои босые ноги: «Мы на руках переносим в ванную больных, которые в бессознательном состоянии пачкают постель. Разве можно это делать без обуви? Они пачкают мне не только платье, но и ноги. Я работаю бессменно, некем смениться, все разбежались. Я тоже не могу больше выдержать».

— Что же будет, если вы тоже сбежите? Где же взять обувь?

— Да я не сбегу. На кого я их оставлю? Разве помру...

Дорогой товарищ, если ты осталась в живых, если эти строки дойдут до тебя, прими мой привет. Именно ты победила вошь и спасла социализм. С тобой мы победим еще много врагов. Их еще тьма, но мы победим всех.

—

Встают в памяти и целые заводы. Вот далекий Сулинский завод. Он на границе рабочего Донецкого Бассейна и казачьего Дона. Когда пришли немцы, он не подчинился поработителям и восстал. В овраге могилы восставших. Когда калединские казаки брали его приступом, рабочие поголовно, даже жены окопались и с оружием в руках отстаивали советскую власть. Их потом расстреливали пачками тут же на заводе, на площадке у мартеновских печей. Были ли там шкурники? Были ли малодушные? Ни одного. Когда отдел металла долго не пускал завод в ход, рабочие сами добыли уголь, самолично пустили завод. Они плавят чугун на тощих углях, создав переворот в технике этого дела. Какое значение имеют неудачные главки, когда есть такие рабочие и такие заводы? Главки можно безопасно выбросить и построить вновь. Это можно повторять, пока выйдет удачно.

Припоминаю и другие картины,—уже здесь на месте. Завод, где сильны меньшевики. Предо мною рабочие-забастовщики. Что же вы хотите, похерить советскую власть?

Все в возмущении. Они за советскую власть и со стороны рабочих это глубоко искренно. Чувствуется, что если бы они действительно дали нашим врагам нас смести, они бы смели и наших врагов в тот момент, когда выяснилось бы, что они нанесли удар самой советской власти. Путь их был бы опять к коммунизму. Разве в этом не величайший успех?

Советская власть прочна, советская власть незыблема. Но коммунизм не только советская власть; коммунизм—это еще организованный труд, и мы по этому пути идем. Коммунизм еще кроме того—сознательность рабочего класса. И теперь уже все наши враги знают, что у нас есть, на кого опираться.

Может быть правы те, которые считают безрадостным наше неумение работать, и наш непроизводительный труд? Здесь мы только у начала. И я ограничусь только еще одним, но характерным переживанием.

Инструментальный цех златоустовского завода. Старый большевик, рабочий инструментальщик, бывший в 1905 г. членом петроградского комитета партии, ставит научно производство. Науки здесь пока еще немного,—мы сами ее создаем. А противодействия много. Нужно переставить станки в порядке работы. Нужно их приспособить к определенным работам. Нужны карточки у каждого станка с указанием приемов работы, имеющегося заказа и времени для его выполнения. Нужно работать не по памяти мастера. Нужно поставить работу как в больнице, где у постели больного имеется табличка с указанием его болезни и хода температуры—вместо работы только по памяти врача.

В инструментальном цехе златоустовского завода труд облегчен, а производительность повышена. Но организатор получил презрительное название «алхимика». Старые инженеры и их подголоски—против. Лодыри против. Наши товарищи еще не разобрались: кому верить в вопросах организации труда—главному ли инженеру, много лет издевавшемуся над трудом, или рабочему, который смелой рукою не только взял в свои руки власть, но и простер их на основу нашей власти—организацию труда и революцию техники.

И новатору устраивают на партийной перерегистрации экзамен о единоличии и коллегиальности, признают ответ неудовлетворительным, исключают из партии, выживают из Златоуста. Наша производственная революция имеет не только своих приверженцев, но и своих мучеников.

Но и это в конечном счете сводится к радости. Возвращение к старому порядку работы оказывается невозможным. Слишком осязательны результаты. Инженер, сменивший товарища, вынужден был пойти его путями, и тут в Москве мы вместе установили приемы его дальнейшей работы. Товарищ после этого ставит теперь работу образцовых заводов. Товарищ сейчас выбран в Московский Совет от завода, где еще недавно рабочие верили только в организационные способности старого хозяина, и мы услышим о нем и его работе в производственном отделе московского совета, если таковой там существует. Мы одерживаем победы более трудные, чем победы над Врангелем, ибо нет врага сильнее недомыслия, нет врага могущественнее косности.

Мы можем этот раз праздновать. У нас есть право на отдых, есть право на радость, есть право на праздник.

Я. ШАТУНОВСКИЙ.

В борьбе за братство народов.

Это было в 1917 году.

На позициях западного фронта, между озерами Вишневское и Нароч, стоял в окопах 220 Скопинский пехотный стрелковый полк. Здесь месяцами без передышек кипели адские бои, полк, насчитывавший около 2,000 бойцов, принял к себе около 50,000 пополнения, т.-е. 25 раз совершенно был избиваем и восстановлен. Люди дошли в землянках и окопах до полного одичания, отвыкая даже от человеческой речи, сохраняя только обостренную способность воспринимать слова команды, да звериный инстинкт боевого самосохранения.

И вдруг молниеносные слухи о революции в Петрограде. Слухи смутные, жуткие, волнующие, отравляемые офицерскими противодействиями, контр-революционными приказами начальства. Теряясь в догадках, мучась и волнуясь от неизвестности, полк послал, наконец, своего делегата-солдата в Петроград, чтобы привезти на позиции «лектора», так как слово агитатор было еще запрещенным, чужим словом.

«Лектор» приехал накануне 1-го мая. Трудно описать невероятный под'ем, воодушевление, охватившее солдатские массы при раз'яснениях о событиях в Петрограде, о свержении царизма, о начале революции. И первым решением измученной, полузвериной солдатской массы было решение организовать 1-го мая, в день празднования международного братства трудящихся,—братание со своим ожесточенным врагом.

Почин сношения с немцами взял на себя прапорщик Поскакухин, своими личными боевыми и организаторскими качествами вышедший из рядовых и имевший все четыре георгиевских отличия. Не взирая на ожесточеннейшее сопротивление командного состава, на отданное категорическое приказание расстреливать всякого, осмеливающегося выйти из окопов к неприятельской армии, Поскакухин вместе с телефонистом Филипповым в 4 часа утра 1-го мая встали на бруствер окопов, постояли так несколько мгновений, вытянувшись во весь рост на виду у обоих враждующих армий и, сойдя вниз, спокойно пошли к немцам.

По приказу командиров, наша артиллерия немедленно открыла огонь по своим храбрецам, но окопщицы, схватив винтовки, бросились к артиллеристам с требованием немедленно прекратить стрельбу. И это требование вчерашних забитых, бессловесных людей было так грозно, что стрельбу прекратили сами командиры.

Через три часа томительного ожидания Поскакухин вернулся в сопровождении лейтенанта 3-й ландверной прусской дивизии К. Й. Вауэрмейстера, который долго уговаривал отказаться от вредной затеи братания, предлагал привести вместо своих солдат группу офицеров, говорящих также хорошо, как и он, по-русски. Но наши стояли на своем: «Хотим об'яснить нашим солдатам, что это за мир без аннексий и контрибуций, которого мы теперь добиваемся».

Хитрый, вышколенный, вымуштрованный немчик-лейтенант тщетно пытался подметить, не скрывается ли за столь мирным предложением вывести немецких и наших солдат в междуокопное пространство для взаимной беседы какой-либо боевой хитрости. Но нет, наши так открыто, по-русски вываливали наружу все свои мирные намерения, так горячились, горланили, спорили, убеждали, об'ясняли, доказывали, радовались революции и т. д., что Вауэрмейстер наконец согласился вывести за окопы своих солдат ровно в 5 ч. вечера. На том и расстались.

—

В вечернем мягком свете заходящего солнца лежала разоренная, испепеленная боями равнина. Ни одной деревушки, ни одной избенки, все сожжено, разбито, уничтожено на много верст кругом. Только на штабных картах сохранились названия сел и деревень, да около одного из окопов грудою кирпичей торчал кусок стены костела, разнесенного артиллерией.

Ровно в 5½ часов наша маленькая группа, во главе с тем же Поскакухиным, вышла из окопов. И моментально по всей нашей линии укреплений выросла, как живая стена, человеческая масса. Со стороны немцев все было тихо, безлюдно и только два германца стояли в «секрете», окутанном колючей проволокой, и неподвижно наблюдали за нами.

Мы шли между грудами железной паутины, опутавшей каждый бугорок, выступ и ложбину. Кругом поблескивали медные гильзы от патронов и стаканы шрапнелей. А сзади десятки тысяч глаз напряженно глядели в нашу сторону и сторону притаившейся, неслышной и незаметной враждебной армии.

Выйдя на поляну, лежащую как раз посредине между двумя боевыми линиями, наша группа остановилась и огляделась. Впереди за проволочными заграждениями стояли одинокие фигуры германских офицеров со стэками, биноклями и хлыстами в руках. Ни одного немецкого солдата не было видно. Кругом на нашу поляну было наведено и с нашей, и с противной стороны до сотни пулеметов.

— Наши тоже на-готове стоят у пулеметов и орудий,—сказал Поскакухин.—Чуть что... останется от нас одна каша.

Мы сели на траву в кружок и принялись ждать. Тотчас же из германских окопов, как поплавки, вынырнули солдатские головы и стали вытягиваться, жадно вглядываясь в нашу людскую кучу.

— Прочь! Вниз! По местам!—крикнули немецкие офицеры, и головы вновь юркнули в землю и опять стало безлюдно и тихо.

Но через несколько мгновений головы вновь вынырнули и вновь стали подыматься все выше и выше. Словно невидимая магнитная сила тянула их от земли вверх, преодолевая власть палочного страха. Напрасно кричали офицеры: солдаты становились смелее и смелее.

А на нашей стороне было уже черным-черно от народа, вылезшего из окопов. Далеко-далеко, как светлая звездочка, сверкала группа людей в белых кителях, за версту от окопов наблюдавших за нами.

— Корпусный командир,—разглядел в бинокль Поскакухин.—Примчался полюбоваться.

А человеческое море с нашей стороны уже вышло из берегов-окопов, и солдатская масса залила все междуокопное пространство. С русской медвежьей развалочкой подвигались наши на немецкие окопы. Трещали, рвались о проволоку шаровары и шинели, разухабисто разливалась гармоника.

Вот послышались улюлюканье, хохот и крики. Это из кустов выгнали притаившегося зайца и принялись гонять ошалевшего зверька.

— Стой, ребята, наш скопинец лежит!—раздался возглас.

В кустах наткнулись на полуистлевший труп нашего солдата. Бои здесь были столь продолжительными и ожесточенными, что даже трупов убирать не было возможности. Раскинув руки над головой, лежал мертвец, обратив свое синее, оскаленное лицо и словно заливался беззвучным смехом, глядя в лазурное небо пустыми впадинами выклеванных глаз. Бесцеремонные земляки стали переворачивать, тормошить труп, и в воздухе глухо стукнула кость о кость.

— Гляди, ребята, сорок семь рублей в кошельке!—продолжали исследование земляки, словно ни в чем не бывало, словно не находясь под настороженными дулами пулеметов, готовых все смешать с прахом.

— И все бумажками!

А германские офицеры из сил выбивались, стараясь загнать своих солдат в окопы. Но те лезли все настойчивее и настойчивее навстречу нашим уже подошедшим вплотную к окопам противника, уже кое где перелезшим через проволоку к немцам, а в одном месте даже перебравшимся за окопы. Весь вид, все поведение немецких офицеров говорили о крайней растерянности и настороженности. Одной рукой немецкий офицер отмахивался от наших, напиравших с добродушной навойливостью, другой гнал своих прочь.

Но их делегации не было видно совсем. На все наши вопросы их офицеры пожимали плечами и растерянно улыбались. Прошел час, другой в ожидании. Дело выходило дрянь и могло кончиться плохо.

Вдруг высоко, высоко вверху послышалось точно жужжание комара и почти тотчас же раздались глухие удары наших пушек. Это немецкий аэроплан летит вдоль боевых линий, высматривая, не делаем ли мы, вместо братания, каких-либо военных приготовлений. Вокруг аэроплана порхали белые клубочки шрапнельных разрывов и казалось, что они летели не в него, а наоборот сам аэроплан разбрасывал в голубом просторе белоснежные пушистые шарики.

— Тиюууу! тиюуууу!—пели шрапнельные стаканы, падая с огромной высоты и с визгом врезались в землю.

Вдруг среди немцев произошло движение, и на поляну разом вышла группа солдат, во главе с Вауэрмейстером. В противоположность нашей рыхлой, доверчивой текучей солдатской массе, немцы держались плотно друг к другу, сомкнуто и настороженно. Видно было, что каждую минуту они готовы были ринуться в бой. Все до одного были со знаками боевых отличий.

Мы сошлись и подали друг другу руки. Немедленно наша солдатская масса залила, как потоком, и скрыла в себе, поглотила, затопила наши обе организованные группы.

— Ну, что же, когда кончим войну? Долго ли будем живодерничать друг над другом?—посыпалось с нашей стороны.—Мы теперь без аннексий и контрибуций. Давайте по шапке вашему кайзеру, как мы своему,—и будем мириться. Народ с народом, а не царь с царем...

Вауэрмейстер сделал испуганно-трагическое лицо и даже попятился.

— Ради Бога!.. Не трогайте священной особы нашего кайзера! Он всегда, всегда желал мира, но Франция, Англия...

И он принялся выкладывать перед нашими весь свой скудно-солдатский запас политически-казарменных идей. Наши посмеивались и за его спиной как-то уж успели разбить на одиночки его бравых кавалеров железного креста и, окружив их, беседовали при помощи звукоподражания, рук, ног и выразительной мимики. Все глядели исподлобья и озирались поволчьи.

И только один солдат-гигант выделялся среди всех немцев. Могучий, огромный, с мозолистыми, как лапы медведя, руками, он, как пришел, сел на землю у ног нашей маленькой группы и не спускал восторженных, влюбленных глаз с нее. С каким-то детским мягким приветом вглядывался он в лица наших солдат, делегатов. И все улыбался и прикладывал руку к шапочке.

— Это кто?—спросили мы у Вауэрмейстера после бесплодных попыток заговорить с гигантом, который один из всех немцев не знал ни слова по-русски.

— Это...—нахмурился Вауэрмейстер, отводя глаза в сторону,—это, знаете ли... несовсем нормальный... идиот. Он все равно ничего не может понять,—видимо врал смущенный лейтенант.

А «идиот»-гигант, очевидно, понял, что говорят о нем, мельком взглянул на офицера, и точно тень пробежала по его лицу. Затем мягким осторожным движением он взял в обе руки руки близ стоящих двух товарищей, подержал их, ласково пожимая и заглядывая в глаза русским солдатам, затем пожал руки еще двоим, затем еще, еще. И все это молча, с невыразимо ласковым детским взглядом.

Кругом уже кипели страстные споры, агитация. Германские солдаты, уже не слушая начальства, тянулись к нам, и две армии точно сливались в одну человеческую толпу. Наши уже толкались в германских окопах и кое-где даже угощались чайком.

— Вы воюете с нами под начальством ненавистных нам французских офицеров-инструкторов!—горячился, кричал немец.

— Откуда это вы вздумали?

— А вот! Это что? Не француз?!—с торжеством обличителя показал немец на одного из наших солдат во французской каске, рывшегося в земле и отыскивавшего алюминиевые трубки для ложек.

Граф Строгонов и рабочий Демид.

(Рассказ).

[illegible] завод на Урале дымил. Работали на нем, как быки, глядя в землю, по 13, по 15, по 18 часов в сутки. И не знали ни отдыху, ни сроку. Не знали, что есть Москва, Питер, что там тоже дымятся трубы заводов, и работают, не покладая рук.

Знали, конечно, знали, но думали, что это так же чуждо им, далеко, как на том свете.

А что в других государствах на таких же немерянных заводах копошатся мозолистые люди, так это и в голову не приходило,—никогда не думалось об этом.

Начинали говорить о хитрой англичанке, о Китае, который—брат черту, о турках, о французах, только, когда царь сгонял на войну. Тогда надевали мундиры, брали винтовки и уходили убивать незнакомых людей, застилая трупами землю. А незнакомые люди их тоже убивали, заваливая землю.

Так жили, тяжело переворачиваясь, медленно катились.

Такой жизнью жил и Демид [illegible].

[illegible] был парень—[illegible] медведь. Получал в обрез—только [illegible] жить. Ходил грязно, в лохмотьях. И об одном только думал Демид: [illegible] проработать, чтоб заслужить к [illegible] пенсию—видал он стариков, [illegible] под плетнями, как [illegible] собаки.

Хорошо жил граф Строганов, благородно, чисто и по ученому. Палаты у [illegible] были—и царю не вскинется.

Когда бывало пиры задавал,—а задавал он их, почитай, каждый день,—чего, чего только не было на блистающем серебром и хрусталем столе, разве, что птичьего молока, да и то, говорят, было.

Сядут вокруг стола гости в шелках, в кружевах, в бархатах. А перед каждым прибор, а на приборе для каждого золотой подарок в несколько тысяч рублей.

А попы и архиереи в шелковых рясах, осыпанными бриллиантами крестами благословляют питие и явства, чтоб легче проходило в утробу.

Когда наедятся, напьются, до отвала, тут подходят писатели и поэты, и вдохновенно декламируя, почесывают своими стихами, сладкими, как сахар, блаженно вытянутые шеи гостей.

А адвокаты проворными языками славословят хозяина и гостей.

А певицы, голые по сие место, и певцы, во фраках и белоснежных манишках, с лоснящимися лицами, сладко поют.

Гости млеют, задремывая, а попы, писатели, поэты, актеры, ученые, певцы, адвокаты [illegible] и сладко доедают об'едки.

Знаменитейшие доктора наготове, чтоб помочь хозяину и гостям на случай, если об'елись.

Так жил граф Строганов.

Женился Демид. Пошли дети. Жена и дети так же, как и он, ходили во вшах и лохмотьях.

А тут пришло горе. За пятнадцать лет прогулял он один день, и за этот прогул вычли из срока на пенсию все его 15 лет. Хлопнул об полы руками, избил жену, разогнал детей, да никуда не денешься, опять запрягся в хомут, опять потянул лямку на 30 лет, чтоб под старость не сдохнуть под плетнем.

Да оно и то сказать, до старости мало кто и доживал—все раньше сдыхали: лет 35—40 стукнет, и протягивай ноги,—завод шутить не любит.

Впрочем, податься некуда, кругом Демида стеной стояли: урядник, становой, пристав, исправник, губернатор.

А за ними стояла шеренгой рота, и мотали головами лошади казачьей сотни, и виднелись свисшие с рук нагайки.

А за ними стоял кулак Афиноген Иваныч, у которого Демид был вечно по уши в долгах.

А над ними, над всеми чернел поп. От этого уж никуда не скроешься, не убежишь, не увернешься. Родишься,—он тут, как тут. Помер—он провожает. Полюбил девушку—поп лапу протягивает: давай деньги за венчание. Ребенок родился—давай. Все мысли опутывает как паук—то раем манит, то адом грозит.

Так туго, так туго Демиду, что и не сказать. Да привык, тянет лямку, нагнув голову, глядя в землю.

Но заводские ребята иной раз нашумят, забунтуют, выбьют окна в конторе, а то и к директорскому дому подступят.

Демид, нагнувшись, тянет лямку, не прерывая, и рычит по-медвежьи:

— Ну, чево расприпались! Все одно один конец: пригонят казаков и всыпют. А тут тянешь, тянешь, хоть бы дотянуть до пенсии.

И верно: приходят казаки и всыпят вдосталь. И опять все, как быки, тянут постылую жизнь, глядя в землю.

Раз только граф Строганов заглянул на свой завод, все по заграницам сидел, а заводом правили директор и управляющий. Но раз собрался и приехал с губернатором.

Батюшки! Как засуетились на заводе. Выскребли, вычистили, посыпали песком. Рабочим велели надеть чистые рубахи и головы причесать и примазать салом. Чистые-то чистые надели, да они сейчас же хлюща хлющей от пота обвисли, а сало потекло с волос,—жарища на заводе.

Демид замирая ждал графа. Вот приедет, скажет: воротить ему пятнадцать годов в счет пенсии, где за совесть работал.

Граф вошел на минутку с губернатором, морщась от жары, и сейчас же вышел и уехал.

— Улыбнулись мои пятнадцать годов!

И опять пошли год за годом. Двадцать пять лет отбарабанил сызнова на пенсию. Осталось пяток годков. «Как-нибудь дотяну»...

А старость тут как тут,—она и медведя сломит. Ноги слабей стали. Тяжело нес тигель с расплавленным металлом, споткнулся, плеснуло на него слепящейся жижей и выжгло всю грудь и живот.

Стал на его место старший сын,—и опять то же, опять потянулись сумрачные годы.

Впрочем, не то же. Как-то весной, когда зазеленели горы, и завод стал дымить в голубое небо, случилось происшествие. Еще только закраснелась меж горами зорька, повалил народ к заводским воротам, а над воротами красным пятном бил в глаза развевавшийся красный флаг.

Батюшки! Как забегала полиция. Урядник на взмыленной лошади прискакал. Вызвали сотню казаков. Да, нет, что-то упустили,—незнаемый доселе шорох побежал по всему заводу, как в потревоженном муравейнике. Только отвернешься,—то тут, то там кучка рабочих, и о чем-то у них о своем говор идет.

Да это не страшно. Что может сделать кучка чумазых, оборванных, полуголодных рабочих?

А вот страшно: завод, дымивший, сколько помнят, глубоко в лощине, вылез на самую гору, и открылись, сколько глаз хватает, другие заводы за сотни, за тысячи верст. Даже Москва замаячила, даже Питер в туманной дали обозначился. И все трубы, и все дымят.

И сын Демида нет, нет, да и оторвется от каторжной работы, а случалось это большей частью весной, когда зазеленеет земля; оторвется и глянет через поля, горы, леса и увидит: без числа дымятся трубы. Ухмыльнется и скажет: «А, ведь, это все—наши; сила их!»

Прошло лето. Пришла и прошла зима. Зазеленела весна, и опять вспыхнули красные пятна,—удивился сын Демида,—вспыхнули по всему лицу земли. Присмотрелся, видит: за Москвой, за Питером, за краем нашей земли, в чужих краях и землях, за морями, за океанами,—везде, везде, где только дымятся заводские трубы, везде закровавились красные флаги. Рать неисчислимая!

Э-эх!.. Да оступился сын Демида, попал в турбину, измолотило его и выбросило красный кусище мяса с обрывками одежды.

Пришла старуха за сына, за мужа просить пенсию. Вместе их работа была 62 года. Голова у старухи трясется, сама от ветра качается. Полезли в конторе в книги, щелкнули счетами, выдали ей пенсии рубль семьдесят пять копеек на год.

Поклонилась, взяла и ушла, тряся головой. А старшего сына заступил младший, Иван.

—

Хорошо живет граф Строганов: попрежнему льется толстым жгутом золото из далекого завода в емкий графский карман, попрежнему задает он пиры, и чешут вытянутую шею стихами поэты, и разносят в драгоценных бокалах птичье молоко.

А морщинка на благородном графском лбу прибавилась. Призывает он ученых и профессоров и говорит:

— Не то страшно, что на моем заводе краснеет каждую весну флаг, а то страшно, что каждую весну краснеют флаги по всем заводам, по всем фабрикам, по всей земле русской и... страшно сказать! по всему земному шару, где только дымятся трубы. Вот в этом ужас и смерть наша!

Тогда выступил профессор, сказал:

— Ваше сиятельство, ненужно только теряться. Если вы их, законтелых рабов ваших, секли плетьми, дерите теперь скорпионами. Если вы сажали в холодную, гноите в подземельях. Если вы их сотнями арестовывали, тысячами гоните в Сибирь.

Опустил благородную голову граф, подумал, сказал:

— Больше делается—люты мои палачи, а красная сила растет, растет, на нас с боем идет.

Выступил другой ученый и сказал:

— Нет, одним этим горю не поможешь. Надо их бить их же оружием. Пусть придут люди и говорят рабам то, что они хотят слушать.

Наклонился к графскому уху и пошептал ему.

Улыбнулся граф, сказал:

— Возьми себе денег.

Нашел профессор людей,—честные были, благородные, за рабочий люд [illegible] по тюрьмам да ссылкам. И говорили эти хорошие люди по фабрикам и заводам, прижимая под мышкой толстую книгу «Капитал»:

— Товарищи, капитализм, развиваясь [illegible], сам по себе несет разложение и смерть. Через пять тыс. лет он до того разложится, что перейдет в социализм, и тогда вы только рот разините, а социализм—бух! как яблоко, прямо в утробу,—мирно, тихо, как в самом благородном семействе, без шуму, и никого не обеспокоим. А пока живите с графом, чтоб все шло по правилам.

И стали хорошие люди кстати и некстати божиться своим евангелием—Марксовским «Капиталом», выковыривая каждую букву и жуя от него бумагу для ума.

Ждали, ждали рабочие, да не в терпеж стало: повернули хороших людей к воротам, да ка-ак ахнут коленкой под зад, так те и вылетели в подворотню, забились под плетнями и стали хватать зубами прохожих за штаны.

И опять закраснелась первомайская земля от края до края.

Да это бы не беда, а вот: пришел июнь, июль, январь, а всюду, куда ни кинешь взгляд, всюду кровавеют знамена,—потянулся май беспречь.

Да это бы не беда, что всюду краснеют полотнища, а вот: выжглись кровавые слова во всех рабочих сердцах: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—и уже не [illegible].

—

Как-то прочел я в заграничной газете: известный в свое время богач в России граф Строганов протягивает на улицах Рима свою белую, как сметана, руку и говорит: «подайте бедному, но благородному дворянину».

Ах, Демид, Демид, хоть бы ты одним глазком глянул!..

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Газет мало, на всех не хватит. Читайте газеты вслух, совместно.

— Гей, Афанасьев, подь-ка сюда!—позвали «француза» товарищи. Тот подошел.

— Ты, говорят, француз,—обратились к нему наши, усмехаясь.

Усмехнулся широкой мужицкой усмешкой и «француз», показав такую ширь улыбающегося калужского лица, что немец смущенно замолчал под общий хохот.

— Довольно!—резко крикнул, наконец, Бауэрмейстер.—На сегодня довольно.

Его солдаты быстро собрались в кучу. Прощаясь как можно любезнее, козыряя направо и налево, Бауэрмейстер спешил увести своих солдат и неожиданно выдал еще раз свою тревогу.

— Только,—вдруг вытянулся он перед нами официально,—ночью пожалуйста не ходите к нам. Ночь—страшная, серьезная штука.

— Ладно,—ухмылялись наши,—мы к вам утром... кофей пить... со шнапсом...

Немец еще раз криво, но почтительно улыбнулся и, выстроив свою кучку, двинулся к своим окопам, где кишмя-кишели наши солдаты.

Ночью по всей линии фронта заплясали бледные огоньки немецких ракет. Всю ночь немецкие начальники приказывали освещать боевые пространства, боясь нашей ночной атаки. Боялись атаки, не зная, что в некоторых местах в немецких окопах первой линии уже сидели наши солдаты в перемежку с германскими и вели бесконечные разговоры об общих страданиях, о близком мире.

В полночь на наших линиях загудели, заныли полевые телефоны, передавая телефонограмму из штаба 3-го корпуса.

По имеющимся в штабе точным сведениям, около 4-х часов утра немцы готовятся произвести атаку, обстреляв предварительно позиции химическими снарядами.

Как один, все солдаты дивизии бросились к ружьям и заняли боевые посты. Несмотря на пережитые, необычайно волнующие часы первомайского братания, все горели желанием дать жестокий урок врагу, так скверно, так свирепо собравшемуся ответить на братский смелый порыв.

Но прошел 4-й, 5-й, 6-й час,—ни атаки, ни газов не было. В 6 часов в расположении одного из соседних со скопинцами полков послышались крики в болоте. Наши бросились туда и вытащили из трясины четырех немцев-перебежчиков, направлявшихся к нам. Пятый перебежчик утонул. Это были первые результаты первомайского братания. Атаки так и не было.

А по всему фронту уже летели тревожные телеграммы: и в Питерский Совет, во временный комитет государственной думы, совет министров, Чхеидзе и др. сообщалось о необычайном возмутительном происшествии на фронте 1-го мая. Заговорили о большевистских шпионах, германском золоте. Для ареста «лектора» был послан целый рой «патриотов» и даже бывший член думы Н. Д. Соколов. А военное высшее командование отдало приказ об уничтожении «изменников» на месте преступления.

Началась жестокая борьба, кровавая, за идею братства народов. Скопинский полк, как стая львов, до самой октябрьской революции отбивался от наседавших на него со всех сторон «ударников», казаков, меньшевистских агитаторов. Прапорщик Поскакухин после демократического суда и нескольких выстрелов из-за засады, получил 12 лет каторги.

Но когда загремел гром октябрьской революции и по всему фронту был отдан приказ Совнаркома о немедленном заключении перемирия каждой частью, фронт дрогнул и заколебался. Слишком уж необычное в мировой истории явление было это перемирие.

И здесь 220 Скопинский полк, а с ним вся знаменитая 55-я дивизия смело признали первую волю первого в мире рабоче-крестьянского правительства. Без малейшего колебания, первыми вступили они в переговоры с немцами и организованным путем заключили перемирие, формально разработав и подписав его с представителями обоих враждебных армий.

Доставить этот договор и первое сообщение о перемирии выпала честь на долю все того же Поскакухина.

А. СЕРГЕЕВ.

Первое мая.

Зелень, знамена, песни
В Москве, в Петрограде, в Казани...
Мы сегодня без крыльев и лестниц
Первомайское солнце достанем.

И мы знаем: на русский огонь
Не слетятся угрюмые совы,—
Революции вздыбленный конь
Опустил на Европу подковы...

Чтобы шумных радостей россыпь
Расцвела под весенним огнем,
Мы сегодня любимым в косы
Первомайские звезды вплетем...

Нет делений на центр и окраины,—
Всюду звонкая вязь голосов,
Ведь, каждое слово Бухарина—
Фундамент для новых стихов.

Мы знаем: предел наш — выше,
И когда мы сольемся в Труде,
Даже мертвое небо услышит
Эту музыку наших сердец!..

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

Пасха и красный май.

Сегодня древняя, морщинистая христианская Пасха встречается с юным, цветущим майским праздником. Звон церковных колоколов раздается рядом с могучей песней восставшего и восстающего труда. *Века прошедшие спорят сегодня с веками грядущими.*

Христиане, — если только есть в мире христиане!—вспоминают сегодня сказание о «воскресении Христа». Христиане возводят очи горе и возносят молитвы к небесам. Там они ищут своего бога—бога бедных и богатых, господ и рабов, угнетателей и угнетенных, бога палача и его жертвы. Этот бог сегодня пытается стать рядом с красным маем и заявляет право на внимание и даже на первенство. На что расчитывает он?

На темноту, невежество, косность, ограниченность, тупость, на рабские чувства, рабское наследие, рабские предрассудки в головах миллионов.

Бог, созданный господином для обмана и утешения своего раба; бог, признанный рабом для самообмана и самоутешения; бог, именем которого держали в повиновении: господин—раба, помещик—крепостного, капиталист—рабочего,—этот *бог* еще хочет жить нашей темнотой!..

Пасха становится рядом с красным маем в эпоху величайших, невиданных битв, когда все старое рушится и гибнет навсегда.

Сегодня мертвый пытается схватить живое, но—мертвый не схватит живое! Сегодня красное майское знамя соберет вокруг себя всех, в ком кипит жизнь, кто смотрит прямо, кто радуется свету, кто хочет жизни и возрождения человечества.

Майский праздник—это праздник жизни; майская песня—это песня возрождения. Красный май—гимн весне, гимн борьбе, гимн смелости, дерзости, отваге, гимн победы грядущего над наследием прошлых веков...

И. В.

„Передышка".

ПИСЬМО ИЗ КРЫМА.

(Путевые заметки).

Решаем остановиться в штабе полка. С легким, как бы сжимающим в себе звуки, шипением, автомобиль взлетает на бугор, долгое время скрывавший от нас растилающуюся впереди степь. У подножия расплескалась деревня. Она белыми крапинками окаймляет овраг и словно бисер, нанизанный на невидимую нить, искрится в солнечных лучах выпуклой белизной малороссийских хат. Они разбросаны. Овраг сменяется оврагом. Они словно рвут деревню; куски ее виднеются где-то за околицей, словно оторвавшиеся и осевшие там, вышвырнутые какой-то сильной невидимой рукой. И от этого кажется, что здесь не одна деревня, а их несколько. Они будто лишь намереваются еще только соединиться, но это желание так и остается невыполнимым по неизвестным причинам. Местами улицы до того узки и с такими громадными выбоинами, что мы ежеминутно рискуем если не свернуть себе шею, то поломать машину. Шофер брюзжит:

— Ну, и дорога!..

— Да, это не то, что Феодосийский тракт.

— Видать, сюда не заглядывали баре-то.

— Что им делать здесь... Не город... Здесь со скуки пропасть можно.

Крестьяне и крестьянки, красноармейцы и детвора, словно встревоженные нашим появлением, вышли из хат, обращая на нас любопытные взоры.

— Что за начальство?..

— Где штаб, товарищи?..

— На том конце, там флаг. Увидите...

Какое-то особенное чувство благоговейного страха невольно забиралось в нутро, когда мы входили в ту малороссийскую хату, белую, как голубь, с синими ставнями, на окнах и с черепичной, светло-коричневого цвета, крышей. Над воротами развевался кусок красного полотна. Ветер, как-бы пытаясь сорвать и понести его вместе с поднимающейся дорожной пылью, то свертывал его в комок, то выпрямлял и делал ровным, будто натянутым на раму. На полотне надпись:

«Нас ждет победа или смерть!»

Это—девиз полка. Он—сплошное геройство. Некоторые бойцы получили награды еще на восточном фронте; иные-же на юге. Здесь нет трусов. «Победа или смерть»—это девиз не только полка, но и каждого красноармейца в отдельности.

— Сильно сказано!—не выдерживает товарищ.

— А как-же: у нас все так,—авторитетно заявляет «подивист».

— Что?..

— Побеждают или умирают.

— Вам командира полка?—спрашивает ад'ютант.

— И командира, и военкома.

— Командир полка на строевом обучении, а военком в команде неграмотных. Попросить сюда или к ним пройдете?..

Вот те качества, которые дают Красной армии преимущество перед армиями отечественных генералов и «верховных главнокомандующих». Винтовка и книга. Убеждение в правоте начатого дела и крепко держащееся в руках оружие, с помощью которого дается успех в предпринятой титанической борьбе.

Большая хата в пять комнат, отведенных для просветительных целей, ныне заменяет школу для красноармейцев. В первый момент кажется до необычайности странным. Взрослые, многие с бородами, с грубыми, мозолистыми руками люди как детвора рассажены по школьным скамьям. Вооружены карандашами, клочками бумаги, грифельными досками и прочими школьными принадлежностями. Сидят смирно, впились с жадностью глазами в преподавателя — такого-же, как и они красноармейца, побывавшего на красноармейских курсах преподавателей.

Выводятся первые буквы, произносятся первые книжные слова:

— А... б.. в...

— Ковальчук, читайте!..

Ковальчук, детина чуть ли не в сажень ростом, богатырски скроенный, с мужественным лицом пахаря благодатного южного края, поднимается и читает по книжке указанное место. Книжка словно уменьшилась в его руках, стала маленькой, как-бы игрушечной. И сам Ковальчук словно не учится, а просто шутит или играет в ученика. Но игра выходит не деланной, не искусственной. С видимым удовольствием он прочитывает нужные строки и садится довольный и сияющий.

И так по очереди.

Как ружейный прием, изучающийся до совершенства, с таким же усердием эти взрослые люди заучивали условные знаки чтения и письма.

В другой комнате идет более сложное обучение. Там слагают, вычитают, множат, читают целые страницы, отрывки рассказов и стихотворений.

Военком, сосредоточенно серьезный, наблюдает за ходом обучения. Низкого роста, коренастый, с порыжелыми усами от махорочной цыгарки, он походит больше на доброго владельца крупного крестьянского хозяйства, чем на военного человека. Он как-будто еще недавно оторвался от семьи, от дома и здесь, вдали от всего этого, как бы в тоске по них, создал уже нечто подобное собственному хозяйству.

— Это мы уже врангелевцев в православную веру приводим,—поясняет он.

— Так скоро?

— Нужно пользоваться передышкой.

— Ну, как, поддаются?..

— Некоторые уже письма собственноручно писать начинают.

— Да что вы!..

— Серьезно. Некоторых мы уже в школу политической грамоты намечаем.

— Обольшевичиваете?..

— Недолго. Помните, как скоро мы колчаковцев преобразили... Так же, вот, как и эти, темные были. А ничего—выработались. Полк-то наш почти целиком из колчаковцев состоит. А ничего, показали врангелевским генералам...

— Да, будут помнить.

Военком, участвовавший в самых ожесточенных боях Крымской кампании, при воспоминании о них, словно меняется в лице. Глаза сияют. Внутри его словно заметалось что-то, запрыгало. Но, привыкший владеть собой, он быстро подавляет в себе это беспокойное чувство воспоминаний, меняя тему разговора:

— С тов. Аронетом видались?

— Нет еще.

— Идемте в школу, теперь они наверное там.

Тов. Аронет один из славных героев Крымской кампании. На его полк была возложена боевая задача: незаметно для противника построить переправу через один из тех многочисленных проливов, что лежали на пути наступающих частей. Незаметно тогда, когда все было перед глазами противника. Полк выполнил боевое задание—не только построил переправу, но, переправившись, выбил противника из окопов, выдержав самый яростный отпор.

Он—близок рабочей среде, живой, подвижный.

Встретились дружески. Как-будто с ним были знакомы давным-давно. Приятели.

— Здравствуйте, товарищи!

— Мы к вам не надолго!

— Жаль...

— А что?..

— Живем, как в глуши, оторвавшиеся от общей рабочей среды, как улиты, забившиеся в раковину «домашних» забот.

— Скучаете?..

— Ну, на это времени не хватает. Бывают иногда минуты, когда, правда, хочется вылезти на люди, побыть в рабочей семье. Вы не видали знамен, что подарили нам Кольчугинские рабочие?

— Нет еще.

И красные знамена, подаренные полку рабочими организациями за боевые подвиги, становится предметом нашего внимания. Тов. Аронет как будто оживился еще больше. В нем заговорил выходец из простонародья, беспредельно любящий рабочую среду, как святыню чтящий эти красные знамена—подарок своих, близких ему людей.

— Вы коммунист?—не сдержался я.

— Беспартийный.

— Но интересует политика?

— Не то чтобы так. Я — человек увлекающийся. Может быть, это недостаток и очень крупной величины. Но из песни слова не выкинешь. Надо сознаться, были моменты, когда и я увлекался политикой—заседаниями, митингами, различными проектами; теперь увлекаюсь другим.

— Чем же?

— Почти все время провожу на боевой подготовке. Сам учусь, стратегия захватывает.

— Ладите с политработниками?

— Друзья мы, понимаем друг друга.

То, что здесь понимают друг друга—ясно с первого же взгляда. Все проникнуто не только чувством дисциплины, необходимостью подчинения друг другу вследствие созданных обстановкой условий. Нет. Что-то другое спаивает этих людей—более возвышенное, похожее на теплую дружбу, выковавшуюся за долгие месяцы боевых невзгод, славных дней победы и товарищеских переживаний...

Командир полка и военком. По характеру две противоположности. Один сосредоточенно серьезный, другой живой и увлекающийся. У обоих свои особенности. Но долговременная работа на одном и том же поприще как бы связала их, сделала одного дополнением к другому. Каждого из них интересует и то дело, которое ведет товарищ. И тов. Аронет, которого тянет, по его словам, лишь стратегия, переходит к теме о политической подготовке красноармейских масс:

— Были в наших школах?

— Уже.

— Бедность. Не хватает пособий, нужда в учителях.

— Это чувствуется.

— Много надо усилий, чтобы врангелевца с колчаковцами сравнять.

— Вы тоже занимаетесь с ними?

— Военком хлопочет. Я по своей части. Но все же заглядываю. Нельзя: надо знать качество каждого красноармейца.

В школу собрались не только политический и командный состав, но и свободные от занятий красноармейцы. Она теперь не школа, а нечто универсальное. Здесь развернулся клуб полка. Здесь происходят митинги, чтение лекций как для крестьян, так и для красноармейцев. Происходят собрания организаций чисто внутреннего характера: контрольно-хозяйственного совета, ячейки коммунистов и прочее. Здесь же ставятся и готовятся к постановке пьесы.

— Мы уже провели два спектакля,—говорит тов., ведающий политической частью полка,—третью пьесу репетируем.

— Какую же?

— «Путь к свободе»... Революционная.

Революционные пьесы чаще всего ставятся в красноармейских театрах. Часто они не имеют стажа, новы и не так художественны, как вышедшие из-под пера какого-нибудь маститого буржуазного писателя. В большинстве случаев вычитанные в красноармейских газетах, написанные каким-либо самородком-писателем красноармейцем. В них близкая этим людям жизнь, ключем бьет революционная мысль, быть может грубо, лубочно, но нарисована та самая жизнь, которую переживали эти закаленные бойцы.

В момент, когда мы вошли в школу, сцена была переполнена. Между красноармейцами находились три девицы, одетые по городскому.

— Это две местные учительницы и одна дочь священника,—поясняет военком.

— Они тоже с вами, не дичатся?

— По началу-то было дело...

Крестьяне в обществе красноармейцев—обычное явление. У красноармейцев они узнают о наших законах, учатся, воспитываются политически.

Вглядываясь в их молодые, свежие лица, в сочные фигуры, выросшие под живительными лучами южного солнца, на душе как будто становилось веселей. Это состояние видимо переживали «актеры». После долгих месяцев ожесточенных боев, походов и скитальческой жизни, они отдыхали в «обществе».

Простота в обращении, далекая от напускной развязности, говорит за то, что они уже свыклись друг с другом, освоились.

К вечеру в школе собрались все, освободившиеся от дневных занятий. Это—одна тесная, дружная семья. Будучи в гуще этих героев, хотелось остановиться на какой-нибудь отдельной личности, отметить ее особенности. Что-то теплое, притягивающее искрилось в их глазах. Без лишней удали, без вызывающего бахвальства. В первую очередь они заговорили не о своих боевых заслугах, а о том, что делается там, на родине.

— Газет давно не получаем,—оправдывает их любопытство военком.

— Вот вы отличились... герой... Как это было?

— Где же запомнить, товарищ. Да и нельзя выделить-то... потому все мы так или... У нас нет трусов... За Советскую власть мы не только через Гнилое, а и через Черное море переправимся.

«Передышка» дает свои результаты.

ИВ. КУКУШКИН.

В Германии.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ.

РИГА, 26 апреля. «Дейче Альгемейне Цейтунг» от 21 апреля сообщает, что по распоряжению правительственного комиссара Герзинга, все коммунистические бургомистры средне-германского повстанческого района удалены с постов. Это распоряжение мотивируется тем, что бургомистры не могут принадлежать к партии, открыто пропагандирующей низвержение государственной власти и действующей по указаниям заграничной державы. В одном Заальском округе удалено со службы более 20 коммунистических бургомистров. (РОСТА).

В Англии.

УХОД ИЗ ТРОЙСТВЕННОГО СОЮЗА.

РИГА, 27 апреля. Л. Т. А. сообщает из Берлина от 26 апреля: союз английских углекопов постановил выйти из тройственного союза. Сегодня возобновляются переговоры между углекопами и шахтовладельцами под председательством Ллойд-Джорджа. (РОСТА).

В Урагвае.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

РИГА, 27 апреля. «Нейе Цюрихер Цейтунг» сообщает со слов «Агенция Американа», что социалисты Урагвая громадным большинством решили присоединиться к III Интернационалу. (РОСТА).

В Греции.

НОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ.

НАУЭН, 28 апреля. (Радио). По сообщению из Афин, греческое правительство об'явило о мобилизации запасных 1900—1903 годов. (РОСТА).

В Польше.

КОНЕЦ ПЕТЛЮРЫ?

БЕРЛИН, 25 апреля. (Через Ригу). Лондонский корреспондент «Тан» сообщает о решении польского правительства предложить Петлюре или отказаться от титула украинского гетмана, или же оставить Польшу. (РОСТА).

В Грузии.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ.

ПЕТРОГРАД, 27 апреля. Ревком Грузии опубликовал декрет, по которому вся земля об'является собственностью трудящегося народа. Прекращается купля, продажа, аренда и иная форма передачи земли. Крупные площади и имения зачисляются в государственный фонд. (РОСТА).

В Латвии.

К РУССКО-ЛАТВИЙСКОМУ ИНЦИДЕНТУ.

РИГА, 26 апреля. Латвийский министр Шуман в разговоре с советником Советской миссии тов. Александри заявил, что латвийское правительство не может согласиться, чтобы мы были в непосредственных сношениях с рабочими, и, в то же время, латвийское правительство желало бы, чтобы Российская миссия использовала большее количество экспедиторов.

Отношения с Латвией продолжают быть обостренными. Латвийское правительство применяет к рабочим систему жестоких репрессий. Продолжаются многочисленные аресты. Между прочим, арестовано почти все правление крупного рабочего кооператива «Продукт». Преследуются лица, входящие в торговые соприкосновения с Советской миссией. Например, кассира, вносившего в банк деньги английской фирмы, полицейские агенты задержали публично в банке и допрашивали. Такому же допросу подвергались участники английской фирмы, на что английский консул послал латвийскому правительству ноту протеста. (РОСТА).

ПЕРЕГОВОРЫ С УКРАИНОЙ.

РИГА, 26 апреля. Состав комиссии для переговоров между Латвией и Советской Украиной, наконец, определился, и переговоры начнутся в ближайшем будущем. (РОСТА).

На Украине.

ЧЕСТВОВАНИЕ ГЕРОЕВ ТРУДА.

ОДЕССА, 24 апреля. 1 мая всеми профсоюзами, пленумом Совета и райпаркомами будут чествоваться все местные герои труда. (РОСТА).

ОТКРЫТИЕ НОВОГО СОВЕТА В КИЕВЕ.

КИЕВ, 26 апреля. Сегодня открывается Киевский Совет. Избрано 1444 депутата, из них 1067 коммунистов, 306 беспартийных, 4 меньшевика, 2 эсера, 6 укапистов, 3 члена комбунда, 1 анархист, 1 эпес. (РОСТА).

ОТПРАВКА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПОЛЬШУ.

КИЕВ, 26 апреля. Из Киева отправлен в Польшу первый эшелон военнопленных в количестве 504 чел. На вокзале эшелон провожали член реввоенсовета Затонский, уполномоченный Наркоминдела Украины Савельев, представитель Польбюро Скабек. После приветственной речи Затонского эшелон отошел в Казатин. (РОСТА).

Телеграммы.

Германия и Антанта.

РЕКОМЕНДУЮТ УМЕРЕННОСТЬ.

СТОКГОЛЬМ, 25 апреля. (Радио). Английские газеты передают слух, что Асквит, лорд Роберт Сесиль, Клейнс, Гендерсон и Барнес отправили Ллойд-Джорджу за общей подписью письмо, в котором настойчиво рекомендуют ему умеренность в деле истребования от Германии возмещений. (РОСТА).

СМЯТЕНИЕ В ФРАНЦУЗСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ.

БЕРЛИН, 26 апреля. (Через Ригу). Слухи об уступчивости Бриана на конференции в Фолькстоне вызвали такое смятение в кулуарах палаты, что само положение Бриана казалось поколебленным. Следует отметить необычайно агрессивный тон «Эхо де Пари», упрекавшего Бриана в недостатке настойчивости по отношению к Ллойд-Джорджу, который, при малейшем проявлении твердости со стороны Франции, несомненно пошел бы на уступки.

Знаменательный инцидент произошел во французской палате депутатов во время дебатов о военном бюджете. Несмотря на протесты министра финансов Думера и принятое перед этим решение сената уменьшить на 20 миллионов суммы, предназначенные на артиллерию, палата приняла предложение бывшего военного министра Лефевра о восстановлении кредита по этой статье бюджета в полном размере. Значение этого решения в настоящий момент было подчеркнуто после заседания: французское общественное мнение, по крайней мере, в данный момент, считает, что оккупация Рурской области должна быть произведена даже без участия союзников, если решения Верховного Совета в Лондоне 30 апреля не окажутся удовлетворительными для Франции. (РОСТА).

ПРЕССА О ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ГЕРМАНИИ.

ЛИОН, 27 апреля. (Радио). Французская печать единодушно заявляет, что новые германские предложения неприемлемы и что согласиться на них значило бы отказаться от версальского договора и решить вопрос о Верхней Силезии в пользу Германии. Газеты подчеркивают опасный характер предложений, обусловливающих отказ от всяких санкций со стороны союзников. Комментируя речь Симонса в рейхстаге, газеты отмечают ее резкий и агрессивный тон.

По этому же вопросу «Форвертс» пишет: «Правительство пошло по опасному пути и едва-ли и на этот раз достигнет цели. Вернуться вспять не имело бы смысла. Если правительство желает добиться успеха, оно должно изменить свои предложения». (РОСТА).

ХРОНИКА.

К ИТОГАМ ВЫБОРОВ.

Центральная избирательная комиссия до сегодняшнего дня выдала 1250 мандатов членам Московского Совета нового состава, из которых 944 коммуниста, 296 беспартийных и 11 представителей разных партий. Среди этих представителей разных партий зарегистрировано 4 анархиста 5 социалистов-революционеров и 2 меньшевика.

«ЭДИП» ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.

Коллектив театра им. Сафонова (Рогожско-Симоновского района) ставит в день 1-го мая трагедию Софокла «Эдип», под открытым небом, на Андроньевской пл. (в случае ненастной погоды—в театре). Начало в 11 ч. вечера. 3-го мая в театре, закрытый показательный спектакль. Ставит «Софокла» артист Камерного театра Б. Фердинандов. Исполнители: Эдип—Мухин, Иокаста—Кашутина, Креон—Карт, Тирезий—Четвериков. Занята вся труппа.

ПУБЛИЧНЫЕ ПОЛЕТЫ.

В день праздника 1-го мая на Ходынском аэродроме состоятся публичные полеты. Кроме полета разного типа аэропланов, состоится полет с пассажирами на большом 4-моторном аэроплане «Илья Муромец», а также свободный полет аэростата. Вход бесплатный. Начало в 6 часов вечера.

Во избежание несчастных случаев, места следует занимать вдоль построек на Ходынке и ни в коем случае не выходить за указанную линию.

Справки и раз'яснения можно получать у членов комиссии по устройству полетов (белые повязки на левом рукаве). В случае неблагоприятной погоды, полеты отменяются. Вход через ворота школы, против быв. ресторана «Стрельна».

ТРУДОВАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ.

В виду того, что призванные по трудовой мобилизации, родившиеся в 1886—1888 годах, выполнили значительную часть работы, на которые были призваны, и что начало полевых работ настоятельно требует их возвращения в хозяйства, совет труда и обороны постановил распустить их по домам, за исключением квалифицированных рабочих, поставленных на работу по своей специальности, и занятых на особо важных государственных работах.

СПЕКТАКЛИ 1-го МАЯ.

Большой—«Золотой петушок»; Малый—«Ревизор»; Театры РСФСР: 1-й — «Мистерия-Буфф»; 2-й — «Шут на троне»; 3-й—«Коварство и любовь»; Муз. Драма—«Кармен»; Художественный — «На дне»; 1-я студия—«Эрик XIV»; 2-я студия — «Младость»; Камерный — «Король-арлекин»; Детский—«Медведь и Паша»; Замоскворецкий—«Катастрофа»; Театр им. Сафонова—у. «Жорж Данден», в. «Эдип»; Теревсат— «Новый фронт», «Первомайский Петрушка», «Восс»; Летучая Мышь—«Декабристы» и др.

Сошествие Христа в ад *).

НАРОДНОЕ СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ХРИСТОС ВЫВЕЛ ИЗ АДА ПРОЛЕТАРИЕВ И ОСТАВИЛ ТАМ БУРЖУЕВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Существует весьма древнее прекрасное народное сказание о том, как Христос, когда он после своего распятия был в аду, сурово расправился с царями, архиреями, священниками, монахами и буржуями и чрезвычайно милостиво обошелся с пролетариями, вообще со всем бедным и угнетенным на земле народом. Полное глубокого смысла, это сказание имеет особое значение для нашего времени.

Предлагаемое здесь читателям сказание о «Сошествии Христа в ад» изложено собственными словами, но с полным сохранением его смысла и всех его подробностей, бывшим старообрядцем, окончившим духовную академию, писателем В. Г. Сенатовым, предоставившим мне это сказание в полное мое распоряжение.

Полагаю, что оглашение и широкое распространение этого сказания, особенно среди так называемых «верующих» и беспартийных рабочих и крестьян, может оказать громадную услугу совершающемуся ныне делу освобождения рабочего народа от ига буржуазии.

ИВ. ТРЕГУБОВ.

I.

По приказу царя Ирода Ивану Крестителю отрубили честную голову. Великий пророк, как и все души тогдашних людей, пошел во ад и стал здесь проповедывать о скором пришествии сюда самого Мессии, Иисуса Христа.

К этому времени, из рассказов других умерших людей, в аду уже знали, что в святой земле появился великий пророк и даже сам Мессия, освободитель всего человечества, как живущего на земле, так и находящегося в аду.

По этой причине проповедь Ивана Крестителя имела в аду величайший и молниеносный успех. В два-три дня уже все знали, что в самом скором времени последуют необычайные события и что многие отсюда будут переведены в рай.

Сатана и его бесенята, конечно, знали больше, чем люди. Они упали духом, приуныли и куда-то скрылись, бросив на это время всякое управление адом. Миллионы миллионов людей, находящихся в аду, почувствовали свободу, вздохнули облегченно и каждый стал ожидать чего-то самого необыкновенного.

В аду, во всех его миллионных казематах, наступила полная свобода, и каждый мог делать, что угодно. Все казематы адские были открыты, только общего выхода из ада не было. Адские врата по-прежнему охранялись сильнейшей стражей и отворялись только для того, чтобы пропустить сюда новых жителей, вновь умерших людей.

II.

Людская чернь, как и на земле, находилась в аду в забросе, в самых дальних и плохих казематах и содержалась здесь под особо крепкими запорами. Тысячи раз, быть может, миллионы раз пролетариат протестовал и требовал облегчения своей участи:

— На земле мы были рабами всяких господ, да и здесь для нас самое плохое житье.

На все эти протесты сатана и его бесенята лишь ухмылялись, а иногда, когда адский пролетариат слишком сильно надоедал им своими требованиями, загадочно как-то отвечали:

— Не навсегда вы у нас будете. Придет время, выведут вас отсюда, а богачи-то, да сильные мира всегда останутся с нами. Успеем натешиться с ними, а с вами-то надо спешить: мы не знаем, когда вас отнимут у нас.

И вот в аду установился такой порядок. Все бедные, униженные, угнетенные на земле, словом—весь земной пролетариат имел в аду самое плохое, самое мучительное житье. Все же богатые и сильные земли в аду имели большое облегчение. Им и здесь дышалось много свободнее, чем земному пролетариату. Казематы богатых и сильных мира были чище, просторнее, светлее, да и не запирались, так что содержащиеся в них во всякое время могли ходить и разгуливать по всем адским казематам, навещать своих земных родственников и ближних, заводить новые знакомства и даже приятельства.

Сатана с бесенятами принимали все меры к тому, чтобы об этом льготном житье в аду для земной буржуазии было известно на земле. И по всей земле ходила молва о том, что сильным, властным и богачам и в аду много лучше, чем беднякам. И через это, на радость сатаны, усиливались грехи на земле.

— Богачам и в аду хорошо, — с завистью говорили бедняки. Они грешили и тянулись не к устроению своей собственной жизни, а за богачами, и на земле усиливались грабежи, убийства и другие непотребства.

Богачи старались нажиться как можно больше не только для того, чтобы им на земле было лучше, а и для того, чтобы через богатство получить льготное житье и в самом аду. И на земле распространялась сила богачей и всякие притеснения бедных.

III.

При слухе о том, что идет великий Мессия, сатана и бесенята куда-то скрылись. В аду не стало никакой внутренней стражи. Все казематы, не исключая и самых дальних, в которых содержались пролетарии, были отперты. Этим воспользовались пролетарии и целыми толпами пошли они в передние казематы и стали, хоть и с некоторою робостью, занимать их.

Всполошилась вся адская буржуазия. Кто-то пустил слух, что в аду наступает самая безудержная анархия. И вот, властные, сильные и богатые стали открыто высказывать свои сожаления о том, что сатана и бесенята скрылись и перестали управлять адом.

— Хоть и плохо при сатане нам было, — говорили буржуи, — а все же много лучше, чем теперь. Кто сдержит простонародную чернь? Ишь как она поперла из всех щелей. Все переломают и от ада ничего не останется.

Архиереи, священники, монахи и вообще всякое духовенство к этим общим сожалениям прибавили свои специальные:

— Идет великий Мессия, божественный Учитель, а у нас творится самое вопиющее безобразие. Мессию нужно встретить по-божественному, в строгом и полном порядке, со всяким почитанием.

И всей буржуазии сильно понравились эти наставления духовных людей. Духовные и светские ученые люди вспомнили о законах, которые были установлены ими на земле, почитались всеми, хотя и не исполнялись никогда и никем и назывались божественными. Была учреждена особая комиссия для достойной встречи великого грядущего человека. Напрасно Иван Креститель предупреждал всех, что эти затеи ни к чему, не понравятся грядущему божьему Агнцу, который будет судить всех своим праведным судом. Но его никто не слушал, и Иван Креститель удалился в самые дальние казематы, окруженный множеством пролетариата.

Особая комиссия разработала самый подробный церемониал встречи Мессии. По этому церемониалу встреча должна была состояться в следующем порядке:

У самых дверей ада, прежде всех других, Христа-Мессию встречает высший духовный сонм—патриархи, затем цари и другие самостоятельные государи, затем митрополиты и архиепископы, после них —князья, именитые бояре и другие высшие государственные сановные лица, затем — архимандриты, игумены, знаменитые иноки, позади их законоведы и вообще всякие ученые мужи, затем протоиереи и вообще приходское духовенство, позади — именитое купечество, земские люди, всякие храмосозидатели и т. д.

Обездоленные пролетарии просили:

— Допустите и нас быть на встрече великого освободителя человечества.

— Куда вам?!—ответили им в комиссии.—И без вас народу будет видимо-невидимо. Мы вас известим обо всем, что будет.

Все просьбы пролетариев оказались напрасными. Пролетарии настаивали. Это сочтено было за открытый мятеж. Наскоро были собраны целые полки военачальников, градоначальников и вообще всяких правителей. Они двинулись против пролетариев и загнали их обратно в самые дальние казематы, где и заперли их еще более крепкими запорами, чем при сатане.

Ад был очищен, порядок установился самый образцовый, с таким чинопочитанием, какого и на земле никогда не случалось.

Для встречи Христа-Мессии каждый чин и каждый человек получили свое определенное место. Никаких пролетариев нигде не было видно.

Во всех буржуазных отделениях ада наступило великое ликование. Даже самые строптивые и ворчливые буржуи с восторгом говорили:

— Какая благодать наступила! Пожалуй, не хуже, чем в раю. Главное дело, что убрали этих бедняков: все зло от них.

IV.

В самой природе стало твориться что-то необыкновенное, никогда раньше этого не случавшееся. За стенами ада слышались какие-то раскаты. Вот и самый ад стал сотрясаться, как бы от сильнейшего землетрясения. Все поняли, что идет долгожданный, победоносный Христос—Мессия, освободитель всего человечества.

С быстротою молнии, но в полном образцовом порядке собрались все адские буржуи, и каждый чин, и каждый человек во всех чинах занял заранее каждому из них назначенное место.

Вот сорвались с своих петель крепчайшие адские ворота, рухнули и рассыпались пеплом. Показался лучезарный сияющий Христос, окруженный тьмами ангелов, певших божественные хвалебные песни.

Стоявшие впереди всех патриархи пали на колени, простирая к Христу свои руки. Но, несмотря на то, что они стояли на коленях, лица их дышали гордостью и сознанием своего высокого достоинства. Никакого смирения в них не было. Они ожидали от Христа наград и считали их вполне заслуженными.

Христос шел торопливо и по всему было видно, что он не намерен останавливаться пред патриархами, хотя они занимали все пространство и через их ряды никакого прохода не было. При приближении Христа к первому ряду патриархов невидимая сила мгновенно раздвинула их, так что между патриархами образовался широкий проход.

За патриархами находились цари и другие государи. При виде Христа, они тоже опустились на колени. Но Христос не остановился и перед ними и многочисленные ряды царей были раздвинуты невидимою силой для прохода Христа.

То же самое произошло и со всеми другими, собравшимися для церемониальной встречи Христа. Христос не удостоил их ни единым взглядом, как бы вовсе не заметил их, и только невидимая сила раздвигала их ряды.

Чем дальше шел Христос среди этих знаменитых, вельможных, чиновных и богатых людей, тем быстрее делались его шаги. Он торопился пройти в самую глубь ада, в дальние казематы, где были заключены пролетарии.

V.

Вот Христос подошел к первому каземату, и в одно мгновение спали его запоры и распахнулись тяжелые двери. Дойдя до середины каземата, Христос тесным кольцом был окружен пролетариями. Свое родное, кровное они почувствовали во Христе и жались к нему, как овцы к своей матери. И обратился Христос к ним с такой речью:

— Идите ко мне все потрудившиеся на земле, все обремененные и там, и здесь. Вы получили благословение отца моего и отца вашего. Велики были скорби ваши, но и великая награда ожидает вас.

— Многие из вас считаются преступниками и злодеями. Но ваши грехи от несознания, от суровости законов, установленных на земле, от жестокости, корысти и властолюбия ваших всяких правителей. Они повинны в ваших грехах, они толкали вас на все дурное, они вынуждали вас на преступления, они вашими руками совершали все мерзкое, они и ответят за все.

— Вы же прощены и войдете в обитель отца нашего.

В мгновение ока пролетарии преобразились. Лица их сделались лучезарными, одежды белыми, блистающими. Воздух наполнился неизъяснимыми ангельскими песнями.

— Побудьте немного здесь, — сказал Христос,—иду порадовать других братьев моих.

Христос обошел все пролетарские адские казематы. Везде повторилось то же самое, что и в первом.

После этого, Христос снова прошел в передние отделения ада. По-прежнему стояли здесь на коленях властные, сильные и богатые земли. Но уже не было гордости на их лицах. Они были смущены и чуяли над собою большое и горестное бедствие. Никто из них не смел пошевельнуться. Каждый был словно прикован к своему месту.

Быстро прошел Христос рядами буржуев, как бы вовсе не замечая их. Вот он остановился у главных адских ворот, несколько в стороне. Невидимая сила еще больше раздвинула ряды коленопреклоненных буржуев.

Воздух был напоен тончайшими небесными ароматами, слышалось дивное пение, музыка.

Из дальних пещер ада показались бывшие земные пролетарии, а теперь преображенные райские жители. Стройные ряды их стали проходить через широкий проход, что образовался среди рядов буржуев. Лучезарное сияние бывших пролетариев, их блистающие одежды резали глаза буржуев. Последние не выдерживали этого блеска и низко-низко склонили свои головы.

Стоя почти у ворот ада, Христос пропускал мимо себя полки бывших пролетариев, как полководец свое воинство. Полк за полком шли пролетарии из ада в рай, сопровождаемые одобрениями и благословениями Христа. Буржуи же стояли на коленях и с поникшими головами.

VI.

Величайшее торжество пролетариев не смирило гордых буржуев. Они чувствовали себя только оскорбленными, и жадной завистью пылали их сердца.

Прошли из ада последние ряды преображаемых пролетариев. Христос сделал было движение к выходу, но приостановился и грустно посмотрел на бесконечно длинные ряды коленопреклоненных людей, когда-то блиставших цветом и могуществом земли. В передних рядах поднялся один из патриархов и сказал:

— Господи, за что ты оставляешь нас здесь, в аду, а берешь с собою только этих преступников и злодеев? Мы твоим именем правили землей, а эти.., а эти...

Сверкнули очи Христа и он гневно прервал говорившего:

— Лжешь и клевещешь... Никогда моим именем вы не правили землей. Для своего корыстолюбия и для своей ненасытной жадности вы установили на земле суровые и жестокие законы. Вся земля стонала под вашим угнетением. Вы обагрили ее кровью. Вы ненавидели свою меньшую братию, держали ее в вечном рабстве и в черном теле, издевались над нею. Ваши законы всех людей делали преступниками и злодеями. Их преступления от вас и от вашей злобы. И теперь злобой и корыстью исполнены ваши жестокие сердца... Нет, не для вас царство божие. Оставайтесь здесь, под властью вашего отца сатаны.

Христос повернулся, быстро вышел из ада, и с грохотом закрылись адские ворота.

В. СЕНАТОВ.

*) От ред. Печатаем статью сектанта Сенатова, с предисловием И. Трегубова, как характерное и не без таланта написанное произведение, свидетельствующее об умонастроении известных кругов сектантства.

Страничка женщины-работницы.

Первое мая и работница.

Наступает первое мая—красный, всемирный праздник пролетариев всего мира, праздник об'единения и смотра сил тех, кто понял, что спасение от ига капитала, нищеты, голода, закабаленности рабочих и бесправия—лишь в коммунизме и кто готов бороться за диктатуру рабочего класса.

Впервые после четырех лет империалистической и трех лет гражданской войны пролетариат Советской России встречает первое мая в обстановке затишья на фронтах. Белые—побеждены, и хотя местами еще вспыхивает контр-революция и банды, хотя угрозы новых войн темными тучами собираются на мировом горизонте, но первое мая этого года все же отмечается, как особенно радостный праздник победы Красной России над мировой белогвардейщиной.

Антанта принуждена заключить торговый договор с Советской Россией, подписан мир с Польшей и Финляндией. Идут торговые договоры со Скандинавскими странами.

Красная армия совершила свое дело—она отстояла Советскую Россию от вооруженного натиска империализма и контр-революции. Теперь всем трудящимся в Советской России предстоит другая задача: так построить свое народное хозяйство, чтобы небывалым развитием производительных сил одержать победу над буржуазно-капиталистическими отрядами на фронте хозяйственном, производственном. Перед лицом мировой хозяйственной разрухи праздник первого мая превращается в день борьбы пролетариата всех стран за овладевание и подчинение себе производительных сил.

Когда тридцать два года тому назад в 1889 г. на первом с'езде 2-го Интернационала в Париже установлен был этот красный, международный праздник, его задачей являлось собрать силы пролетариата вокруг общих и единых для рабочих всех стран лозунгов, наглядно показывающих растущую сознательность пролетариата и отмечающих с каждым годом нарастание боевых его сил.

До мировой войны 14 года первое мая было не только днем манифестаций за 8-часовой рабочий день, но и грозной демонстрацией пролетариата против войны и милитаризма.

Буржуазия ненавидела и смертельно боялась этого красного праздника. Она отвечала на уход рабочих и работниц с работ первого мая массовыми расчетами и пыталась не раз силой оружия разогнать демонстрантов.

Когда в 1892 г. впервые открытой демонстрацией в Варшаве пролетариат в России при царе решил отметить первое мая, три молодых девушки-работницы, взявшись за руки, шли во главе демонстрации. И первые пали от царских пуль.

Первое мая—всегда было днем боевым, хотя социал-соглашатели всех стран и стремились превратить его в мирно-обывательский праздник. Но рабочие, здоровым инстинктом своего класса, учитывали, что первое мая должно быть отмечено волевыми, массовыми действиями пролетариата для того, чтобы показать своим врагам—тунеядцам-собственникам,—что солидарность рабочего класса не слово, а действие. Буржуазия ненавидела первое мая, как предвестник неизбежной социальной революции.

Не только в былые годы, но и сейчас буржуазия всех стран преследует рабочих и работниц за участие в красном майском празднике. И сейчас во многих странах за маевку рабочих и работниц предстоит расчет, безработица, голодовка... Может дойти и до прежних расправ с рабочими людьми.

Не то в Советской России. Первое мая особенно в этом году, праздник не только победы сил сознательных рабочих и работниц, строителей коммунизма и защитников власти Советов, но и день ликования всех трудящихся по поводу окончания семилетней войны. Трудовая Россия вступает теперь в новую полосу—хозяйственного строительства.

Чтобы победить лишения, голод, неналаженность хозяйства, надо напрячь, об'единить все силы рабочих и работниц вокруг задач восстановления производства. Уже в прошлом году трудовая Россия по-своему отмечала первое мая и вместо демонстраций, шествий по улицам, организовала праздник добровольного труда на коллектив—Всероссийский субботник. В этом году первое мая мы отметим чествованием тех героев труда, или тех частей Красной армии, которые больше способствовали нашим победам на фронте хозяйственном.

Если перед трудящимися России стоит сейчас задача—вооружившись серпом и молотом, нанести последний удар контр-революции и хозяйственной разрухе, то пролетариям всего мира предстоит еще завоевать серп и молот, т.-е. поднять борьбу за свою диктатуру. Но цель у пролетариев всего мира едина—овладев производством, построить коммунистическое хозяйство, а с ним и новое, более справедливое, счастливое общество трудящихся.

Первое мая—это праздник не одних рабочих, но и всех трудящихся. Крестьянин и тем более крестьянка заинтересованы не меньше рабочего, чтобы помощью коммунистического хозяйства и новых справедливых порядков наладить работу фабрик и заводов и дать толчок небывалому развитию земельного хозяйства. Теперь, после введения продналога и отмены разверстки, трудовое население деревни доверчивее отнесется к рабочим и поймет, что между интересами города и деревни существует крепкая спайка.

Но особенно важен день первого мая для всех трудящихся женщин. День первого мая—день сплочения сил для борьбы за коммунизм.

Каждая сознательная работница или крестьянка знает теперь в Советской России, что полное ее раскрепощение возможно лишь в коммунизме. Вот почему первое мая, этот день протеста пролетариата всего мира против цепей капитала и кабалы буржуазных порядков, не может не быть дорогим и понятным работницам и крестьянкам.

Обычно первое мая праздновали лишь рабочие и работницы Западных стран. В этом году к великой пролетарской семье присоединяются и трудящиеся народов Востока.

День первого мая должен стать для рабочих и работниц Советской России днем укрепления власти трудящихся. День первого мая—для работниц других, буржуазных, стран должен стать днем подготовки боевых сил для социальной революции.

Встретим же бодро и радостно наш красный, международный праздник. В единении—наша сила, в мировой солидарности пролетариата, идущего под знаменами коммунизма, вернейший залог победы мирового пролетариата.

А. КОЛЛОНТАЙ.

К красному празднику.

За долгие годы впервые встречаем международный праздник труда, не имея кровавых фронтов. Лозунг международного праздника трудящихся 1-го мая: «Да здравствует международное братство трудящихся»—есть лозунг нашей пролетарской революции. Наши дети, наши братья и мужья в рядах Красной армии боролись во имя этого лозунга. Теперь у нас нет фронтов.

Но этим мы обязаны не только доблести нашей Красной армии, ее беззаветной храбрости и преданности делу международного братства трудящихся. Мир нам дан благодаря этому международному братству. Мир нам дан потому, что пролетарии разных стран сказали свое веское слово: «Мы не хотим воевать с Советской Россией, мы хотим мира и соглашения с Советской Россией».

Всесильные, могущественные капиталисты разных стран принуждены были уступить пролетариату.

В этой борьбе за мир с Россией большую роль играли работницы. Пролетарки Италии ложились поперек рельс, по которым должны были проходить поезда с амуницией для армии Врангеля и белой Польши. Они помогали своим братьям организовывать забастовки моряков, которые отказывались перевозить снаряжение и амуницию для белых армий. Также поступали и работницы других стран. Они рвутся всем сердцем в нашу сторону, они видят в Красной России не только братскую страну, с которой надо жить в мире,—они видят в ней свою учительницу, где впервые строит новую жизнь освобожденная женщина. Поэтому иногда чаще, чем мужчины, часто впереди мужчин женщины выступают с призывом сплотиться вокруг Коммунистического Интернационала, который из Москвы призывает пролетариев всех стран бороться за международную Советскую Республику.

Социалистический союз швейцарских женщин стал под знамя Коммунистического Интернационала еще прежде, чем была организована коммунистическая партия в Швейцарии. Женщины-социалистки Финляндии, несмотря на белый террор, преследующий их, стоят за присоединение к III Интернационалу. Чехо-словацкие коммунистки на своей последней конференции постановили присоединиться к красному союзу трудящихся и заявили чехо-словацким левым социалистам, что если они еще дольше будут откладывать вопрос о присоединении к Москве, то они, об'единившись с молодежью, сами войдут в Коминтерн. Они заявляют: «Мы знаем, что другого исхода нет и поэтому не уклоняемся от борьбы. И если страдать будем мы, то не будут страдать наши дети».

Так говорят работницы-коммунистки там, где они имеют возможность говорить. Но в большинстве так называемых демократических стран царит ужасный произвол буржуазии, тюрьмы наполнены коммунистами и коммунистками, они загнаны в подполье, которое мы знали в худшие времена царизма. А для нас царизм и преследования рабочего класса является как бы далеким, страшным сном.

Теперь мы будем мирно праздновать первое мая, наши мысли завтрешнего будничного дня будут направлены к тому, как лучше наладить наше производство, как получше изжить разруху, унаследованную семилетней войной. А там, где стонут под игом капитализма наши братья и сестры, царит страшный голод и безработица. Миллионы женщин и детей выброшены на улицу. Капиталистический мир извивается в судорогах, стараясь наладить расстроенное производство. В Западной Европе, в странах побежденных нет угля и хлеба, нерва промышленности и жизни. В странах победительницах—нет рынков сбыта товара, и расстройство хозяйства все растет и растет. Но, кроме голода и безработицы, кроме беспощадного рабства и угнетения пролетариата, капиталистический мир несет еще новые войны. Америка вооружается против Японии, Англия вооружается против Америки.

Работницы всех стран! Мировой капитал снова собирается приносить миллионы жертв из ваших детей на алтарь золотого тельца. Мы не должны этого позволить. Последуем примеру работниц Швейцарии, Финляндии, Болгарии и Чехо-Словакии, которые раньше мужчин сомкнули свои ряды вокруг знамени Коммунистического Интернационала, которые сливают свои шеренги с красными работницами России. В красные ряды женщин Запада вливаются уже красные ряды женщин Востока. Через месяц собирается 1-й всероссийский с'езд женщин Востока, для которых Коммунистический Интернационал открыл первую светлую страницу их жизни. Вместе со с'ездом Востока соберется международная конференция коммунисток и она скажет вам, работницы всех стран: «Нет колебаний в наших рядах, кровь льется из бесчисленных ран пролетарского тела, так не будем жалеть нашей жизни во имя последнего решительного боя за освобождение угнетенного человечества! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует мировая социальная революция! Да здравствуют женщины-коммунистки под красным знаменем III Интернационала».

Л. СТАЛЬ.

СМЕЛО В БИТВУ, К СВЕТУ, К СЧАСТЬЮ,
ВЕЧНОЙ ПРАВДЫ ДОБЫВАТЬ.
МЫ—ТВОРЦЫ, И В НАШЕЙ ВЛАСТИ
РАЙ ТРУДЯЩИХСЯ СОЗДАТЬ!

Героини труда.

Еще раннее утро, а Большая площадь уже приняла праздничный вид. Наскоро возведенная эстрада красиво декорирована зеленью и алыми флажками. Всюду в кумачевых рамах портреты вождей; первомайские лозунги чередуются с частушками Демьяна Бедного, а там—в зелени клумб, по свеженасыпанным дорожкам, отливающим золотом, прятся флажки, много флажков. Тепло и торжественно-радостно в воздухе...

Двенадцать часов, а площадь уже запружена народом. Всюду радостные лица, на всех весенние наряды. Как бурливые вешние реки, причудливо изогнутые дорожки, безумолчно плещут человеческой волной. Особенно обращают на себя внимание стройные ряды малышей, с флажками и ветками деревьев в руках; они с серьезными мордашками, под звуки марша чеканят свой комариный шаг.

— Ать—два—раз!.. Ать—два!

Трещит аппарат кино-с'емщика.

Говор толпы покрывается металлическими звуками оркестров. Движение по дорожкам усиливается, толпа неудержимо растет.

— Первое мая 17 года, мы бастовали!—громко доносится с трибуны...

— Первое мая 18—19—20 годов мы бились на фронтах!..

— Первое мая 21 года мы празднуем в мирной обстановке. Мы чествуем своих героев труда!..

Ясные, короткие фразы летят в людское море; как искры, они зажигают там горячие сердца тружеников: розовеют лица, блещут глаза, расширяются ноздри.

А вот и герои труда. На эстраде их пятеро: три женщины и двое мужчин.

— Товарищ Егорова,—торжественно об'являет председательствующий,—работает на фабрике 3 года. Выработка ее равняется 210 процентам. Работает без прогулов...

Егорова держится молодцом. На вид ей лет 18. Здоровое, с легким загаром лицо, крепкая, живая фигура—истинная дочь труда!

Под гром аплодисментов и звуки гимна труда ей преподносят подарки: цветы и белый летний костюм. Все это Егорова принимает как должное, движения уверенные, полные достоинства.

— Зотова! 48 лет. Выработка 165 процентов. Работает 10 лет без прогулов.

Зотова смущена. Подарки принимает дрожащими коричневыми руками. А когда румяный, смеющийся сорванец из детского сада преподносит ей вышитые шелком туфли, она не выдерживает. Слезинки счастья медленно скатываются по морщинистым худым щекам. Пересохшие губы невнятно шепчут:

— Не за что мне... Не за что...

Внизу перед эстрадой такие же труженицы как и Зотова, смахивают непрошенные слезы, слезы счастья и радости!

— Вашкевич! 19 лет. Работает без прогулов. Выработка 161 процент. Высококвалифицированная работница. Организовала пошивную мастерскую и ею руководит.

Толпа принимает живое участие в раздаче подарков. Она, вместе с героями труда переживает счастливые минуты. Ведь и среди них есть такие же герои, как и те, которых чествуют с трибуны, но они еще более скромные, нежели те пятеро. И чествование этих пяти тружеников, вышедших из их же рядов, есть в то же время чествование их самих.

— Ура, Вашкевич!—кричат с эстрады. И многоголосое, дружное ура долго перекатывается из одного конца площади в другой, заглушая оркестр.

Затем чествуют мужчин. В конце чествования в задних рядах рождается песня. Сперва тихо, чуть слышно, потом все крепче, мощней песня растет, ширится на всю площадь и, наконец, захватывает всех.

— ...Мы наш, мы новый мир построим,
Владыкой мира будет труд...

Оркестр поддерживает. Металлические звуки сливаются с голосами пролетариев. Гимн освобождающегося человека несется ввысь, туда, к далекому солнцу. А солнце смеется.

Вдали, на высоком плакате, кровавые строчки набата грозно маячат:

«Наш первомайский день—день
пролетарской клятвы.
Мы почву взрыхлили и сделали
посев,
И с твердой верою мы ждем великой жатвы,
Когда разбудит мир наш пролетарский гнев!

Да, мы верим, мы ждем великой жатвы; она скоро придет всюду, где еще нет советского строя.

П. УРАЛОВ.

Майский праздник в Англии.

I.

Празднование 1-го мая прочно привилось в Англии, несмотря на стремление нескольких поколений капиталистов уничтожить его.

Мы хорошо помним майский праздник в Лондоне в прошлом году. Отовсюду шли к набережной Темзы колоссальные процессии рабочих с музыкой и знаменами, с инициалами профессиональных союзов. Из Саутворка, Кэмбервеля, Дэпфорда, Левигнема, Тутинга, Вэндсворта, Бэттерси, Хэммерсмита, Пэддингтона, Эдмонтона, Хэкнея, Айлингтона Шердитона, Поплар Боу, Вест Хэмптона, Лейтона, Волтхэмстоу и Вульвича пришли они. Тысячи и тысячи рабочих всех ремесл и занятий—механики, машинисты, кузнецы, печатники, муниципальные работники, железнодорожники, слесаря, каменщики, рабочие транспорта, портные, прачечники.

С набережной они направились в Гайдпарк. В первый раз в центре Лондона можно было наблюдать такую грандиозную демонстрацию. На красных знаменах горели надписи: «Да здравствует русская революция», «Вся власть советам», «Долой мировой капитализм». Гордо и смело рабочие показывали свою силу и солидарность.

Отличительной чертой первомайских празднеств и демонстраций в Великобритании было значительное количество участвующих женщин. Все больше и чаще английские работницы проявляют свою солидарность с мужчинами, участвуя в общеклассовой борьбе пролетариата.

II.

Теперь, когда пишутся эти строки, рабочие Великобритании ведут великую борьбу с классом капиталистов. В Англии 2 миллиона безработных, страна переживает колоссальный промышленный кризис. Капитализм делает невероятные усилия, чтобы удержать за собой возможность дальнейшего существования. С этой целью об'единившаяся буржуазия стала уменьшать заработную плату, сокращать средства существования пролетариата, что вызвало к деятельности организованных рабочих. Федерация горнорабочих—наиболее сильное об'единение промышленного пролетариата, первая приступила к самозащите. Отказываясь принимать участие в индивидуальных договорах с предпринимателями и требуя единого договора в общенациональном масштабе и общего увеличения заработной платы, они забастовали. К ним присоединились железнодорожники и транспортные рабочие. Возмущение растет по всей Англии. Еще не вполне ясно осознанное—оно, тем не менее, растет все интенсивнее, повышается степень сознательности масс. К сожалению, коммунистическое движение пока еще очень молодо и слабо, чтобы играть руководящую роль в борьбе. Но, известно, что во время революции классовое развитие масс идет очень быстрым темпом.

Трудно сказать, при таких условиях, как пройдет майский день в Англии. Мы знаем только, что теперь капиталисты превратили страну в железный кулак, готовый уничтожить рабочий класс огнем и мечом, и что весь рабочий класс, возмущенный грабежами буржуазии, поднимает свое революционное красное знамя.

Может быть, именно первого мая, начинающаяся битва британской революции сделает прорыв. Если так, мы уверены, что это будет победой рабочих. В таком случае, майский праздник будет вдвойне днем радости и откроет новую историческую эпоху в жизни британского пролетариата.

ТОМ ИВЕЛЧ.

1-е мая 1919 г. в Германии.

В день первого мая, всемирного рабочего праздника, который так торжественно празднуется русским пролетариатом, в моей памяти всплывают воспоминания о праздновании первого мая среди немецких рабочих при совершенно другой обстановке. Особенно глубоко врезалось в моей памяти празднование первого мая в 1919 году, первого после немецкой революции! Я жила тогда в большом провинциальном городе Германии, который насчитывает десятки тысяч фабрично-заводских рабочих. Был жаркий весенний день. Уже с раннего утра потянулись мы с красными знаменами, плакатами и с пением революционных песен по городу. Мы, спартаковцы, составляли тогда только незначительную группу, и многолюдные демонстрации социал-демократов и независимцев, перекрещиваясь с нами, осыпали нас градом насмешек.

Да, нас было немного, но такая уверенность в правоте нашего пути и неизбежности нашей победы царила в наших юных сердцах, таким единым порывом в революционному действию была сплочена наша небольшая группа, что мы чувствовали себя могучими и сильными. Проходя мимо казарм рейхсвера, мы нашли солдат выстроенными в боевом порядке, с ручными гранатами в руках, и готовыми броситься на нас по первому приказу.

Когда наша группа приблизилась к ним, громкие крики: «Да здравствует Красная армия» раздались из наших рядов. Солдаты растерялись, момент для провокации был пропущен, и мы, никем нетревожимые, спокойно продолжали наше шествие. В лесу мы устроили собрание, на котором тов. Шульц в пламенных словах призывал нас следовать по пути, указанному нашими русскими братьями.

Прошло 2 года, и из нашей незначительной спартаковской группы выросла могучая германская коммунистическая партия. И теперь, оглядываясь назад, мы, спартаковцы, можем с гордостью сказать, что хотя в 1919 году нас было немного, но уже и тогда мы были сильны неуклонной волей к революционному действию, глубокой верой в победу.

БЕРНГАРД Э.

1-е мая и женщина-коммунистка в Болгарии.

Благодаря особым условиям, в которых протекает классовая борьба в Болгарии, празднование первого мая превращалось здесь не только в день борьбы с болгарской буржуазией, но, главным образом, в день борьбы с реформистски настроенными социалистами, так называемыми «широкими» социалистами (в роде русских меньшевиков), которые в течение 18 лет препятствовали всемерно стремлению революционно-социалистической партии «тесняков», сплотить и об'единить революционные силы болгарского пролетариата. После опустошительных войн 1912—1913 и 1915—1918 г.г., во время которых «широкие» поддерживали болгарскую буржуазию, а в 1919 г. даже принимали участие в правительстве, где выявили себя яростными врагами социализма и революции, они потеряли всякое влияние на рабочие массы. Женщины-социалистки, члены партии «тесняков» принимали активное участие в борьбе против «широких» и тем самым много содействовали их политической смерти. Особенно ярко выделялась активность женщин-революционерок 1-го мая. Накануне этого дня женщины развертывали широкую пропаганду среди фабрично-заводских работниц, среди служащих, призывая их оставить работу и принять участие в манифестациях, устраиваемых партией «тесняков». Усиленно распространяли они социалистические листовки и брошюры, раз'ясняющие значение 1-го мая.

Во время своих выступлений на фабриках и заводах они сталкивались с агитаторами из партии «широких» и оживленнейшие дискуссии тут же развертывались между двумя течениями. Время подготовки к празднованию 1-го мая широко использовывалось и женщинами-революционерками для выяснения широким массам работниц той предательской роли, которую «широкие» играли в рабочем движении Болгарии.

В день первого мая женщины-революционерки приводили на демонстрации своих детей, которые в красных лентах и цветах занимали первые ряды, за ними следовали женщины.

В течение 18-ти лет первомайские манифестации служили верным показателем роста партии «тесняков».

Со времени русской революции праздник 1-го мая сделался почти национальным праздником в Болгарии.

В этот день почти по всей Болгарии работницы стройными рядами шествуют под развевающимися красными знаменами, демонстрируя не только свою пролетарскую солидарность с большевистской Россией, но и свою неуклонную волю к установлению в Болгарии Советской власти.

И. ШАБЛИН.

Из подполья на широкий путь.

Отец мой был крестьянин деревни Дьяково, Владимирск. губ.; был он мужик очень бедный, имел одно тягло. Нас, ребятишек, всего было 13, а в живых осталось семеро. Отец не мог прокормить такое семейство, и мать поступила на ткацкую фабрику. Лето и зиму ходила она в город за 7 верст, а тут еще по крестьянству приходилось работать. Одну неделю работала она на фабрике с 4 ч. ночи до 1 часу дня, а другую, с часу дня до 10 вечера, да на дорогу больше 2-х часов уходило. Некогда было ни обласкать, ни поговорить с нами. Бывало, кричим возле нее: «мама, мама!» Теребим, а она откроет глаза, взглянет на нас, ничего не соображая, и опять спит. Так проработала она на фабрике 37 лет.

Я сызмальства нянчилась с младшими ребятишками. В школу попасть не пришлось—некому домовничать. В 1903 г. меня вздумали отдать в Иваново-Вознесенск на ткацкую фабрику в ученье, но там брали не моложе 15 лет, а мне 1½ месяца нехватало до 15 лет. В обученье принимали всего 2 недели в году, великим постом. Тогда отец привез мастеру сажень дров, и тот определил меня на фабрику, будто я уже прошла обученье.

Тут-то и началось мое мытарство. С меня требовали, как с обученой, а я не умела и к станку приступиться, и за это все надо мной издевались.

Так как я числилась запасной, мне приходилось исполнять всякую работу: за 20 коп. таскать железо, ящики, ходить к мастерам полы мыть.

Несмотря на все мое старанье, с ткацкой работой я не справлялась и была уволена. Через год меня снова определили на фабрику в обученье.

Через своих братьев и зятя, которые работали в подполье, я познакомилась с партийными товарищами. Первый раз попала я на массовку в 1903 году 13 июня. Помню, массовка была на реке Уводье, у местечка Сластиха. Собралось нас человек 200, в лесу. Сидим, ждем наших руководителей. Через некоторое время приходят наши товарищи все избитые. Оказалось, что по дороге на них набросились огородники и поколотили их. Тогда мы все собрались и решили отомстить за них. А в это время огородники вызвали казаков и началась зверская расправа. Много из товарищей было побито, много арестовано. Эта зверская расправа зажгла во мне искру гнева, которая и до сих пор горит и заставила поступить в ряды революционеров.

В начале 1905 г. я вошла в рабочий кружок, которым руководил Петербургский ткач Федор Афанасьевич Афанасьев, по кличке «отец» (22 октября 1905 года он был зверски растерзан черной сотней на р. Талке). В кружке нас подготовляли к участию в стачке, читали и раз'ясняли требования рабочих. Мы агитировали среди рабочих, разбрасывали листовки. 12 мая 1905 г., когда началась в Иваново-Вознесенске всеобщая стачка, и возник первый Совет Рабочих Депутатов, меня выбрали в него с ткацкой мануфактуры.

В те времена нечего было и думать занять для Совета какой-нибудь дом. Советские заседания происходили прямо на реке Талке. Депутаты делали доклады о настроении масс, о количестве наших сил, о материальном положении, и мы с волнением обсуждали вопрос, сколько времени мы можем выдержать стачку. Со всех концов России нам присылали пожертвования, и мы распределяли пайки между нуждающимися семьями стачечников. По окончании заседаний, и тут же, на берегу, возле большой бочки, которая служила трибуной для ораторов, происходили общие собрания; собиралось рабочих тысяч по 60.

Понятно, что наш Совет был страшной угрозой для царского правительства. И вот оно решило с ним покончить и тем сорвать стачку. 3-го июня на нас прислали казаков с нагайками; началась зверская расправа, стрельба, порка... Многие из товарищей были убиты, многие арестованы. Но рабочие не сдались, и наш Совет стал собираться в лесу. Царское правительство было так растеряно в тот момент, что, спустя неделю, мы снова смогли собираться легально.

В августе месяце пролетариат больше не мог выдержать, и всеобщая 3-месячная стачка в Иваново-Вознесенске прекратилась, и вместе с ней была ликвидирована деятельность нашего Совета. Но партийная работа усилилась еще больше: несмотря на преследования, собирались сотнями в лесу, по ночам. Мой старик-отец и то нам помогал, перевозил технические приспособления для подпольных типографий, возил наших товарищей по деревням для агитации.

7-го сентября меня направили в Москву в центральную подпольную типографию на Лесной улице. Там меня окружали тов. армяне и грузины, они все больше говорили на своем языке и мне было страшно тоскливо среди них. А тут подошло 17-е октября 1905 г., и был дан царский манифест. Одни радовались, другие готовились к дальнейшей борьбе. Я, по условиям конспирации, не имела права никуда ходить. Однако, на похороны Баумана меня все-таки взяли, но я там так вся горела, так волновалась, что товарищи испугались, не привела бы я за собой шпика, и взяли с меня слово больше никуда не ходить.

Когда в декабре началось вооруженное восстание и наши товарищи боролись и гибли на баррикадах, я почувствовала, что не могу больше сидеть в типографии, оторванная от них, от всех. Мне показалось, что здесь, в подполье, я постепенно умираю.

Наконец, через 3 мес., меня отпустили. Я поехала в Тулу, но там все наши оказались арестованными. Пришлось вернуться в Иваново-Вознесенск. В феврале 1906 г. я поступила на фабрику Бурылина. Тут я держала нелегальную квартиру для 3-го района и получала запрещенную литературу.

В 1907 г., когда началась реакция, я была выброшена с фабрики, как попавшая в «черный список» за мое участие в Совете Раб. Деп. После этого мне пришлось поступить прислугой в Москве.

В 1909 году я вышла за муж, чтобы переменить фамилию и иметь возможность поступить на фабрику, так как бывших депутатов никуда не принимали. Я стала работать на фабрике Никона Горелина.

В 1912 г. у меня умер муж, я осталась с 2-мя ребятишками, один годовалый, другой новорожденный. За квартиру и уход за детьми я платила 6 руб., а зарабатывала 8 руб. в месяц, потому что был застой в промышленности и фабрика работала по 3 дня в неделю. Чтобы как-нибудь прокормить семью, ходила белье стирать, полы мыть, работала по 2 смены. По ночам на своих ребятишек стирала. Приходилось работать часов по 18 в сутки.

В 1916 году мне удалось поступить на снарядную фабрику Витова, стала зарабатывать раза в 3 больше. На этой фабрике меня и застала февральская революция. С первого же дня ее я принялась за партийную работу, стала фабричным организатором. Меня провели в фабричный комитет, где я тоже исполняла партийную работу. Это были времена Керенского, о рабочих думали мало. Я была вынуждена переехать из комнаты в отдельную квартиру, так как, работая в Совете, я часто поздно возвращалась и мои квартирные хозяева на это очень сердились. За детьми некому стало присматривать, приходилось их запирать на замок или брать с собой на собрания.

Октябрьская революция у нас в Иваново-Вознесенске прошла без боя.

В 1919 году, когда стала организовываться работа в женотделе, меня назначили общественным инструктором в социальное обеспечение, где я проработала 6 месяцев. Оттуда меня делегировали в университет Свердлова. Учиться мне было хотя и очень трудно по моей малограмотности, но все-таки для меня открылся действительно новый мир. Это было такое счастье, что я слов не найду выразить. Тут я вполне почувствовала, что нам дала Советская власть. Не даром мы терпели все лишения!.. Еще хочу сказать о своих детях: теперь мне не надо их запирать на замок, они учатся в колонии в Иваново-Вознесенске.

По окончании курсов я теперь работаю в отделе работниц, при Московском Комитете, инструктором по губернии. Работа — страсть какая интересная... Почти везде работницы живо откликаются на мой призыв.

Недавно был такой случай. В г. Серпухове, на Большой Серпуховской мануфактуре, я выяснила работницам значение их фабрики для всей России, указав на то, что если мы не будем достаточно вырабатывать мануфактуры, крестьяне не будут давать нам хлеба. После этого одна из работниц пришла на делегатское собрание и заявила:

— Я сознала значение для всего народа нашей фабрики; когда наши работницы приготовились тащить 500 аршин мануфактуры, я сказала им: «надо положить конец этому!» Они начали мне говорить: «записалась делегатной—хочешь ногу нам подставить?» Но я все-таки не позволила взять мануфактуру.

И вот, товарищи, я обращаюсь к вам и говорю: дайте каждой работнице взглянуть на мир сознательно, и она станет первой строительницей коммунизма.

Но чтобы успешно агитировать, я это чувствую по своей работе, нам надо еще много-много учиться.

НАГОВИЦЫНА-КУЗНЕЦОВА.

Новые книги.

ГОСУДАРСТВ. ИЗДАТ.

1. **Айзман.** Терновый куст. П. 1920 г. 67 стр. Ц. 30 р.
2. **Арский.** Польша и ее экономические ресурсы. П. 1920 г. 72 стр. Ц. 50 р.
3. Атлас диаграмм по заболеваемости рабочих и охране труда. Вып. 1. М. 1921 г.
4. **Д. Бедный.** Диво дивное. М. 1921 г. 34 стр.
5. Берегите топливо. М. 1921 г. Листовка.
6. **Буров.** Что означает закон о свободе совести и отделение церкви от государства. М. 1921 г. 16 стр.
7. **Быстрянский.** Гражданская война в истории. Древний мир. П. 1920 г. 64 с. Ц. 50 р.
8. **Быстрянский.** Революция буржуазная и революция пролетарская. П. 1920 г. 32 стр. Ц. 25 р.
9. **Винокуров.** Социальное обеспечение (от капитализма к коммунизму). М. 1921 г. 16 стр.
10. **Грацианский.** Обучение счету неграмотных взрослых. П. 1920 г. 28 стр. Ц. 12 р.
11. **Горев.** Огюст Бланки. Его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма. М. 1921 г. 122 стр.
12. **Гранин.** Литературные студии Росс. Комм. Союза Молодежи, их цели и задачи. П. 1920 г. 15 стр. Ц. 8 р.
13. **Давыдов.** Яблонная моль. П. 1920 г. 4 стр.
14. **Венгеров.** Зверушки. Стихи мал. М. 1921 г. 85 стр.
15. Известия Ц. К. Р. К. П. № 30. М. 1921 г. 16 стр.
16. **Кармашев.** Последние дни Советской власти в Западной Сибири 1918 г. М. 1921 г. 16 стр.
17. **Кедров.** Коммунистка. М. 1921 г. 29 стр. Ц. 8 р.
18. **Керженцев.** Творческий театр. П. 1920 г. 155 стр. Ц. 90 р.
19. Красный Петроград. 1920 г. Третья годовщина великой пролетарской революции. П. 1920 г. 40 стр.
20. **Леонтьев.** Пролетарское юношеское движение, его причины, характер и цели. П. 1920 г. 60 стр. Ц. 20 р.
21. Материалы по профессионально-техническому образованию рабочих. О задачах техникумов и общих обоснованиях их учебных планов. М. 1921 г. 14 с.
22. Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. М. 1921 г. 98 стр.
23. **Монько.** Что делать. (Итоги 8-го с'езда Советов). М. 1921 г. 14 стр.
24. Музыка в школе. Материалы по общему музыкальному образованию в школе. М. 1921 г. 53 стр.
25. **Новорусский.** Земля и ее жизнь. Всем доступное изложение о земле. С иллюстрациями. П. 1920 г. 162 стр. Ц. 100 р.
26. Новый этап земельной политики в Советской власти. М. 1921 г. 37 стр.
27. **Овсянников.** Великая французская революция в песнях современников. П. 1920 г. 72 стр. Ц. 40 р.
28. **Павлович.** Сущность империализма. П. 1920 г. 32 стр. Ц. 20 р.
29. Переносная сушилка для плодов, ягод и овощей. «Техника». П. 1921 г. 11 стр.
30. Примерные программы по математике. Вып. IV. Геометрия и тригонометрия в трудовой школе 2-й ступени. М. 1921 г. 24 стр. Ц. 8 р.
31. **Пушкин.** Капитанская дочка. П. 1919 г. 146 стр. Ц. 50 р.
32. **Ростовский.** Что такое пулемет и как стреляют из него. М. 1921 г. 22 с.
33. Сборник материалов по колонизационным обследованиям Севера. № 3. П. 1920 г. 74 стр.
34. **Семеновский.** Красный уезд. Рассказ. М. 1921 г. 16 стр. Ц. 4 р.
35. **Сергеев.** Внешняя торговля и водный транспорт. М. 1921 г. 15 стр.
36. **Степняк-Кравчинский.** Андрей Кожухов. Роман. М. 1921 г. 200 стр. Ц. 80 р.
37. **Тумим.** Помощь учителю грамоты. П. 1920 г. 52 стр. Ц. 40 р.
38. Тюркский плакат в красках. М. 1921 г.
39. Учебные планы и программы краткосрочных курсов связи. Для подготовки механиков, надсмотрщиков, радиотелеграфистов и квалифицированных п.-т. работников. М. 1921 г. 83 стр.
40. Труды высшего семинария с.-х. экономии и политики. М. 1921 г. 74 стр.
41. Труды государственного оптического института. П. 1920 г. 87 стр. Ц. 100 р.
42. **Федоровский.** Определитель минералов при посредстве паяльной трубки и простых химических реакций. М. 1921 г. 148 стр. Ц. 100 р.
43. **Фридлендер.** Половой вопрос, государство и культура. П. 1920 г. 71 с. Ц. 50 р.
44. **Фридрих Энгельс.** 1820—1920 г. Материалы к библиографии его сочинений. 30 стр. Ц. 25 р.
45. **Пыпин.** Общественное движение 60-х и первой половины 70-х годов. М. 1921 г. 91 стр.
46. **Шмидт.** Основы жизни. Популярное введение в биологию. П. 1920 г. 120 стр. Ц. 80 р.
47. **Эйхенвальд.** Акустика и оптика. (Конспект лекций). М. 1921 г. 162 стр. Ц. 115 р.
48. **Эльцин.** Октябрьская революция и перспективы социального обеспечения. М. 1921 г. 13 стр.
49. **Юрмалинт.** Культуры кормовых корнеплодов для молочного скота Северной России. П. 1920 г. 66 стр. Ц. 60 р.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

В кременчугском губпрофсовете. Кременчугский губпрофсовет об'единяет 5 уездбюро (черкасское, александровское, золотоношское, харьковское и чигиринское), 18 профсоюзов и 8 местечковых секретариатов, с общим количеством членов—25.000 чел. Налаживаются организационные связи. Проведена мобилизация по самоснабжению рабочих топливом. Связь губпрофсовета с советскими и партийными органами самая тесная. Взаимоотношения с губсовнархозом вполне налажены. Успешно прошла кампания «Месяца помощи Донбассу», давшая хорошие результаты. Отсутствует достаточный кадр активных работников. Проведено 2 губс'езда (печатников, нарсвязи) и районная конференция металлистов. Разрабатываются нормы выработки и премиальная система. Довольно успешно ведется культурно-просветительная работа, организована профсекция, открыты школы, клубы и районные библиотеки. Издательская работа сводится к выпуску воззваний и сборников по профдвижению.

К—цу Леонгарду. Занесите извещение в газету.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 1 час. дня.

Центральная избирательная комиссия доводит до сведения т.т. избранных в Московский Совет Р. К. и К. Д., что в субботу 30-го апреля и 1 и 2 мая выдача мандатов производиться не будет.

Председатель: **Ив. Дронкин.**
Секретарь: **Т. Драудин.**

В виду частых запросов о дне и часе окончания работ под праздник, президиум МГСПС доводит до сведения всех предприятий и учреждений, что окончание работ назначено на пятницу, 29-го апреля, в 12 час. дня. Никакие справки и отдельные раз'яснения выдаваться не будут.

Орган.-Инструкторский Отд. Моск. губотдела Всерос. профсоюза деревообделочников 9-го мая, в 11 час. утра, в помещ. союза (Леонтьевский, 18), состоится 4-й Общегубернский с'езд союза деревообделочников совместно с завкомами гор. Москвы.

Ц.К. ВСРКХ настоящим доводит до сведения, что назначенная на 10-е мая 1921 г. конференция отменяется, причем на данное число созывается расширенный пленум ЦК с представителями следующих Губотделов: Азерб[illegible]ского, Башкирского, Минского, Омского, Петроградского, Московского, Харьковского, Тульского, Саратовского, Казанского, Карельского, Киевского и др. по особому приглашению.

ПОРЯДОК ДНЯ:

1. Отчет Президиума.
2. Доклад Главкомхоза.
3. Роль и задачи ВСРКХ в организации коммунального хозяйства.
4. Охрана труда.
5. Тарифная политика.
6. Международное об'единение рабоч. коммун. хозяйства.

Разное.

Явка всех членов ЦК и кандидатов, работающих на местах, обязательна.

В пятницу, 29 апреля, в 6 час. вечера, в 1-м Доме Союзов, в помещен. научно-технического клуба состоится очередное совещание заведующих экономотделами Ц. К. союзов. Явка обязательна.

Бюро фракции РКП при Московском губотделе Всепрофсоюза совработников извещает, что 29 апр., в 12 ч. дня, в пом. Мосфинотдела (пл. Революции, здание бывш. Гор. думы) назначено вторичное (несостоявшееся 28 апреля) заседание фракции союза. Явка коммунистов-членов месткомов, при отсутствии таковых—членов бюро ячейки, безусловно обязательна.

ПАРТИЙНЫЕ.

— М. К. РКП. в бюро фракции союза транспортных раб. созыв. на 4 мая, в 4 ч. дня (Неглинный пр., 23) общее собрание всех коммунистов, работ. в предпр. союза.

— Собрание секретарей и т.т., прикрепленн. к ячейкам 4 уч. Гор. р. РКП. сост. 3 мая, в 6 ч. в., в помещ. М. К. РКП.

— Гор. р. К-т РКСМ. предлаг. всем членам агитколлегии и желающим вступить в нее, явиться 3 мая, в район. к-т РКСМ. (Кисловский пер., 5, кв. 118) для обсуждения важных вопросов.

— Фракция союза работн. просвещ. созыв. общегор. собрание коммунистов работн. просвещ., 3 мая, в 5 ч., в помещ. школы Гор. р. № 73 (Тверской бул., 3).

— Гор. р. к-т РКСМ. довод. до свед. слушателей район. союзной школы, что школа эта с 27 апреля по 4 мая будет закрыта. Первая лекция сост. 5 мая, в 6 ч. в., в кл. В. и МЧК.

— Правление центрального клуба 1 уч. РКП Горрайона доводит до сведения ячеек 1 уч., что в пятницу, 29 апр. с. г., в 1½ ч. в., состоится 5-я лекция партшколы (Петровка, 12). Явка всех товарищей обязательна.

— Гор. райком РКП. 1 уч. 29 апреля, в 5 ч. созыв. собр. секретарей совм. с организаторами прикрепленными к ячейкам (Верхн. Торг. ряды, комн. 77—78, 1-й эт.).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— Моск. губ. отдел Всерабиса приглашает секретарей или председателей 3 мая с. г., в 12 ч. д., в пом. союза на заседание. Порядок дня: выбор делегатов на губернский с'езд профсоюзов.

— 5 мая, в 11 ч. утра, в помещ. школы Гор. р. (Тверской бул., 3) созыв. общегор. конференция месткомов с представит. уездных отделений профсоюзов работн. просвещ. Правл. месткомов являются в полном составе; уездные отдел. делегируют по 2 представ. Конференция секретарей уездных отделов, назнач. на 3 мая, отменяется.

— Президиум Ц. К. всер. с. совработн. созыв. на 18 мая Пленум Ц. К. совм. с делегатами 4 с'езда всех союзов, избран. от местн. отд. и отдел. с. совработн.

— М. Г. К. всер. союза транспортных рабоч. созыв. на 9 мая, в 4 ч. дня, в помещ. Драматич. театра (Тверская, 22) очередную общегородскую конференцию месткомов союза.

— Союз работн. нар. питания созыв. на 7 мая, в 12 час. дня, в клубе (Б. Дмитровка, 22) губ. конференцию. Норма представит.: уездн. отдел и секции от 50 по 1. Местн. избирают от 50 до 50—1.

— Союз [illegible] созыв. на 9 мая губ. конференцию [illegible] в-тов союза, в правл. уездн. отдел. союза.

— Союз раб. химиков созыв. на 5 мая, в помещ. дома мир. им. П. Алексеева (Б. Дмитровка, 17), в 10 ч. утра, конференцию делегатов и представ. зав. к-тов.

— Правл. москгуботдела «Всемедикосантруда» и жел.-дор. подотд. извещ. всех медработн. жел. дорог (Курской, Казанской, Александровской, Северн. и Виндавской), что конференция сост. 10 мая, в Москве.

СОВЕТСКИЕ.

— Управл. Делами Рог.-Симон. Совета предлагает всем вновь избран. членам Рог.-Сим. Совета явиться за получением мандатов в Совет, комн. 29, к тов. Соколовой, от 10 до 4½ час. дня ежедневно.

ЛЕКЦИИ, КОНЦЕРТЫ, МИТИНГИ.

— 1 мая, в 5 ч., в помещ. Голицынских высш. сел.-хоз. курсов (Волхонка, 14) сост. митинг на тему: «1 мая и мировая пролетарская революция».

— Правл. евр. раб. клуба организ. 30 апр., в Замосквор. р. в неделю Переца, вечер его памяти. С докладом выступ. в. Добрушин. Нач. в 8 ч. веч.

— Первомайская тройка сообщ., что билеты в централ. и район. театры будут выдаваться коллективам раб. совработн. и красноармейским частям по 31 апр., с 10 до 5 ч. дня.

— В праздники 1 мая в Пасхи Культотдел союза коммун. хоз. устраив. в театре союза коммунального хоз. (Софийка, 9) драматич. кружком союза спектакли: 1 мая, в 8 час. в., «Вечер революционных пьес», 3 мая, в 12 час. дня, детский спектакль «Красная шапочка» и в 8 час. в. «Вечер революционных пьес». 4 мая, в 12 час. дня, детский спектакль «Красная шапочка», 8 мая, в 12 час. дня, детский спектакль «Красная шапочка» и в 8 ч. веч. «Вечер революционных пьес». Для привоза детей на спектакль к 11 ч. утра и отвоза обратно (Софийка, 9) в 3 ч. будут поданы трамваи: 1) Из Замоскворецкого парка чрез Полянку для детей этого парка. 2) Ново-Сокольнического парка чрез Красные Ворота для детей рабочих этого парка, сокольнич. мастерских и службы пути 3-го Района парка. 3) Бутырского парка 1 вагон для детей рабоч. этого парка, остановка у Красных Ворот для детей рабоч. дома «Трудпомощь». 4) Миусского парка по Тверской, для детей рабоч. этого парка и 1 уч. службы пути, захватывая от Александр. вокзала детей Рублевской водо-станции. 5) Пресненского парка чрез Кудринскую площ. 6) Уваровского парка. Виды [illegible] представит. правл. в Культотдел (Софийка, 9) тел. [illegible] союза коммун. хоз.

Ответ. Редактор [illegible]
5-я Образцовая газетная типография МГСНХ, Тверская, 48.
Тираж газеты Правда 200.000 экз.